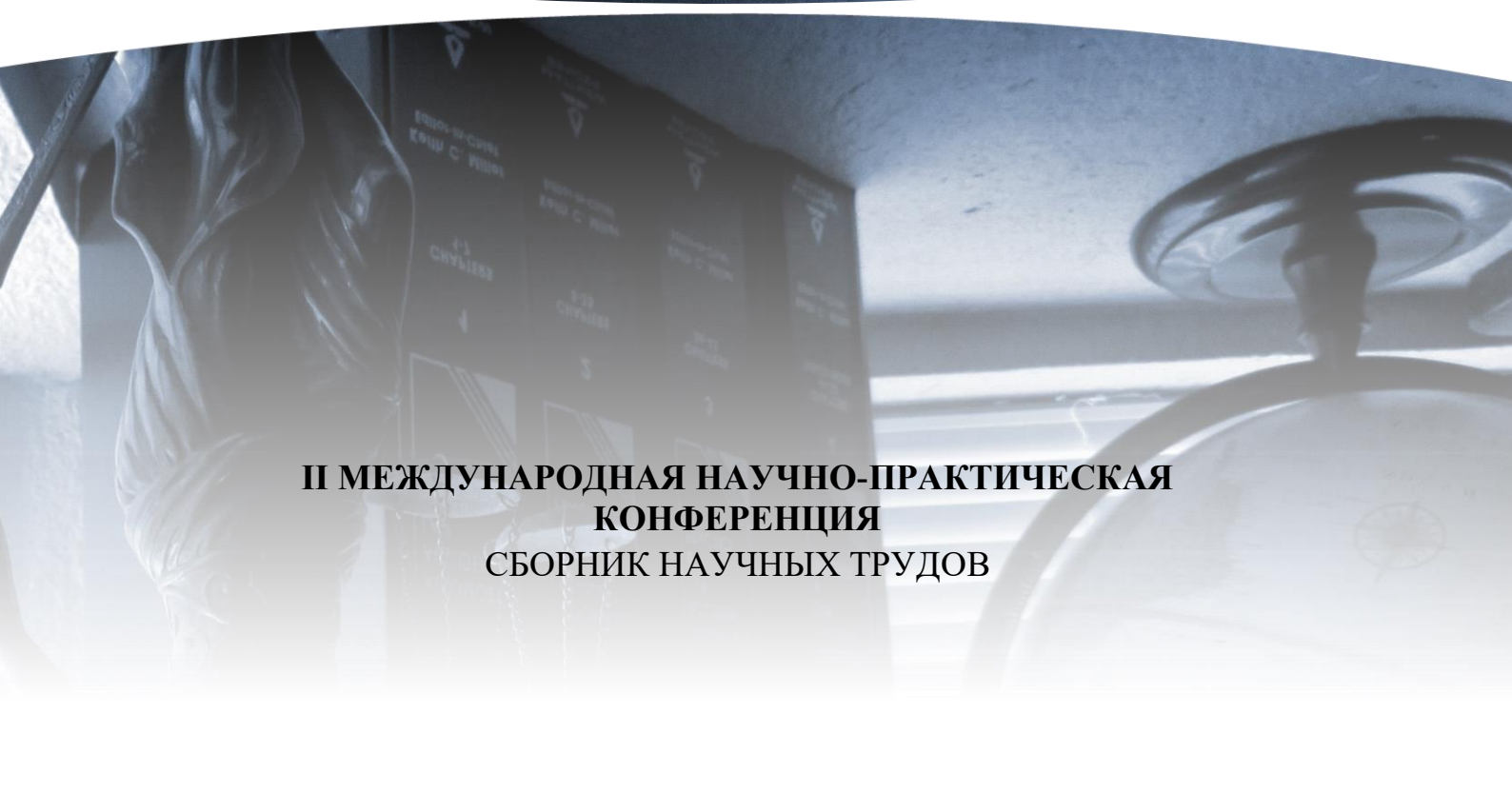

16+

Правовое обеспечение политической и общественной деятельности

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

**Правовое обеспечение политической и общественной
деятельности**

**Сборник научных трудов
по материалам II Международной научно-практической конференции**

30 ноября 2017 г.

**www.scipro.ru
Москва, 2017**

УДК 34
ББК 67

*Главный редактор: Н.А. Краснова
Технический редактор: Ю.О. Канаева*

Правовое обеспечение политической и общественной деятельности: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции, 30 ноября 2017 г. Москва: НОО «Профессиональная наука», 2017. 126 с.

ISBN 978-1-370-12875-4

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы развития государства, права, юриспруденции по материалам II Международной научно-практической конференции **«Правовая культура, правосознание и правореализация: проблемы, приоритеты и перспективы»** (30 октября 2017 г.).

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

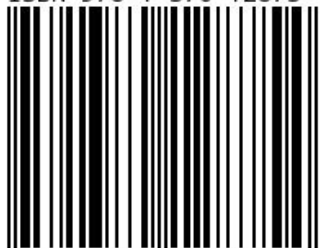
Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-1-370-12875-4

9 781370 128754

- © Редактор Н.А. Краснова, 2017
- © Коллектив авторов, 2017
- © НОО Профессиональная наука, 2017
- © Smashwords, Inc., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ 6

Головкин Р.Б., Колесникова Ю.П. Исключения из ограничений правового регулирования как правовое средство противодействия негативным юридическим явлениям	6
Данилова О.А. Правовое регулирование правозащитной деятельности в СССР (1976-1981 г.г.)	14
Малышкин А.В. Понятие и сущность механизма юрисдикции	20
Разина М.А. Реализация женщинами права на участие в избирательном процессе в СССР в период с 1918 по 1936 гг.	33
Уханов А. Д. Способы познания социокультурных основ права: возможные варианты	38

СЕКЦИЯ 2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО 43

Колесников В.В. О некоторых гарантиях по соблюдению прав и свобод человека и гражданина.	43
---	----

СЕКЦИЯ 3. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО 49

Афашагов А. М., Зеушева З. Х. Информационный терроризм: пределы криминализации	49
Вовк Е.В. Проблема формирования антикоррупционной культуры общества	56
Залиханова Л. И., Зеушева З.Х., Афашагов А. М. Несообщение о преступлении	61
Мизов А.И. Ответственности за преступления, препятствующие осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	69
Урусов И. А. Потенциал режима отбывания наказания в виде лишения свободы в профилактике рецидива	77

СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 82

Крайников М.А., Максимова Ю.В. Полномочия следователя и его процессуальная самостоятельность	82
Мамедов Ф. Реализация принципов уголовного судопроизводства	94
Стародумов С.В. Система судебных действий следственного характера как фактор, обуславливающий их самостоятельность	98
Савинкина Я.С. Использование психологии в криминалистической науке	105

СЕКЦИЯ 5. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО 113

Соколов С.Н. Перспективы непризнанных государств в XXI в.	113
--	-----

СЕКЦИЯ 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

УДК 34

Головкин Р.Б., Колесникова Ю.П. Исключения из ограничений правового регулирования как правовое средство противодействия негативным юридическим явлениям

Exceptions from restrictions on legal regulation as a legal means of counteracting negative legal phenomena

Головкин Роман Борисович

доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника

Владимирского юридического института ФСИН России
по научной работе

Колесникова Юлия Павловна,

адъюнкт

Владимирский юридический институт ФСИН России

Golovkin Roman Borisovich

Doctor of law, Professor

Deputy Head of VLI of the

FPS of Russia on Scientific

Kolesnikova Yulia Pavlovna

Post-graduate student

VLI of the FPS of Russia

Аннотация. В статье рассматриваются исключения из ограничений правового регулирования в качестве разновидности правовых средств. Обосновывается социальное значение данных правовых средств, а также их роль в построении эффективной и гибкой системы правового регулирования. Исключения из ограничений рассматриваются как правовые средства повышения уровня реализуемости правовых предписаний.

Ключевые слова: ограничения в праве, исключения из ограничений, правовые средства, правовое регулирование.

Abstract. The article discusses the exceptions to limitations of legal regulation as a variety of legal means. Locates the social meaning of these legal tools and their role in building effective and flexible system of legal regulation. Exceptions to limitations are considered as legal means of increasing the level of feasibility of the legal provisions.

Keywords: limitations in the law, exceptions to restrictions, legal means, legal regulation.

Регулирующее воздействие различных социальных и не социальных средств и факторов выступает важным предметом юридической науки в

целом и отдельных ее отраслей. Анализ специфики влияния социальных процессов на позитивное право позволяет не только объективно оценивать адекватность существующей системы права, но и выстраивать определенные прогнозы, а также формулировать рекомендации для правотворческих и правореализационных сфер.

Арсенал средств, используемых государством в качестве инструментов, с помощью которых обеспечивается правовое регулирование, весьма объемен и многообразен. Тем не менее, чаще всего, в литературе, когда ведется речь о средствах, с помощью которых осуществляется правовое регулирование, делается, в основном, акцент лишь на правовые средства, которые рассматриваются достаточно широко. Правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей [15].

Думается, что все же, собственно правовыми средствами регулирование отношений во исполнение государственно-властных велений не исчерпывается. В справочной литературе понятия «средство» определяется достаточно многогранно. В частности в качестве средства обозначаются и приемы (способы) действий, применяемых для достижения каких-либо целей, и определенные объекты (приспособления) для осуществления какой-либо деятельности, и даже материальные ресурсы, деньги [16].

Как видно, из словарного значения термина «средства» в качестве такого могут выступать любые *явления, обстоятельства, процессы и формы их выражения, которые реализуются для решения какого-либо вопроса и осуществления какой-либо деятельности*. Отсюда вытекает, что средства правового регулирования не исчерпываются исключительно правовыми средствами.

Сущность и природа средств правового регулирования позволяют рассматривать их по аналогии с формами реализации функций государства. Иными словами средства правового регулирования можно подразделить на правовые и неправовые.

Правовые средства, традиционно включают в себя определенные группы правовых явлений. Во-первых, правовые установления, составляющие субстанцию права. К ним относятся нормы права, различные

средства правового регулирования (дозволения, запреты, позитивные обязывания), отрасли права, правовые институты, правовые отношения, правовые конструкции и др. Во-вторых, явления правовой формы. К таковым относятся нормативно-правовые акты, акты официального нормативного толкования, правоположения судебной практики, нормативные договоры, правила и приёмы подготовки юридических документов, составляющие институционный компонент собственно юридической техники [14].

Следовательно, *к неправовым средствам правового регулирования* можно отнести все остальные явления, процессы и факты, которые способствуют правовому регулированию (сюда можно отнести организационные действия, материально-технические операции, материальные средства, деньги, техника и т.д.). Кроме того, данный перечень можно расширить за счет таких средств, как социальные и не социальные нормы, технические, экономические, психические, физические, химические, естественно-географические и иные явления, которые могут быть использованы в процессе правового регулирования.

Изложенный подход к средствам правового регулирования вполне приемлем и для рассмотрения ограничений в праве.

В соответствии с Толковым словарем русского языка ограничение (ограничить) это установление каких-либо границ, рамок, препятствий, условий, обеспечивающих уменьшение, сокращение каких-либо явлений, деятельности и чего-либо[17].

Ограничение, как средство регулятивного воздействия на общественные отношения достаточно широко используется в правовом регулировании. В качестве примеров ограничений, непосредственно интегрированных в систему права, можно назвать меры и временные ограничения, предусмотренные Главой 3 ФКЗ от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»[10], ограничения прав на землю, предусмотренные земельным законодательством[5], ограничение доступа к сведениям, составляющим государственную, коммерческую и иную тайну,[9, 11, 12] ограничение дееспособности гражданина, урегулированное ст. 30 ГК РФ[6]; ограничения, связанные с пребыванием в составе Правительства Российской Федерации[1], и др.

Анализ нормативных правовых актов, содержащих нормы об ограничениях позволяет выделить несколько типов ограничений, вытекающих из законодательства:

- Во-первых, это ограничение прав, обязанностей, полномочий субъектов правоотношений;
- Во-вторых, ограничение самого правового регулирования;
- В-третьих, ограничение установления, изменения и прекращения правоотношений.

Представляется, что указанный перечень можно продолжить еще одним типом ограничений, выступающим средством правового регулирования, это *ограничение ограничений правового регулирования*.

Прежде всего, следует отметить, что самая многочисленная группа *ограничения ограничений правового регулирования* проявляется в виде в виде *исключений*. Исключения из ограничений в правовом регулировании являются важным инструментом построения гармоничной регулятивной системы и приемом юридической техники. При помощи данного правового средства разрешаются важные задачи, стоящие перед правом в целом. В частности, исключения из ограничений используются для увеличения уровня реализуемости того или иного нормативного предписания. Одной из проблем современного российского правотворчества является установление потенциально нереализуемых правовых предписаний. Причин и условий не реализуемости права много, и это тема отдельного комплексного исследования. Вместе с тем, распространенной является ситуация, когда норма права содержательна и адекватна социальным реалиям, механизмы ее реализации в целом действенны, и сам факт наличия актуален. Однако специфика общественных отношений предопределяет сложность абсолютной ее реализации в той или иной части. Подобного рода практика характерна и для действующих правовых ограничений. Именно для преодоления данных сложностей правового регулирования законодатель и прибегает к такому инструменту как исключения из ограничений.

Например, ч.6. ст. 53 УКРФ устанавливает, что ограничение свободы не назначается военнослужащим, иностранным гражданам, лицам без гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации[3]. Или, например, статья 356. Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации закрепляет

Исключения из ограничения ответственности (в основном это касается возмещения вреда)[4].

Примеры ограничения ограничений можно обнаружить и в числе норм Таможенного кодекса Таможенного союза. Данным кодифицированным актом установлены ограничения по пользованию и распоряжению временно ввезенными товарами. В ст. 279 кодекса в свою очередь зафиксированы ограничения данного ограничения, которые обусловлены изменениями вследствие естественного износа или естественной убыли при нормальных условиях перевозки (транспортировки), хранения и (или) использования (эксплуатации) [2].

Из абз. 2 п. 3 ст. 1 Федерального закона № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» следует, что ограничение, установленное данным законом, не распространяется на деятельность физических лиц, производящих продукцию, содержащую этиловый спирт не в целях сбыта [8].

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предусматривает исключения из ограничения конкуренции органами власти, органами местного самоуправления [7].

Значение таких исключений заключается еще и в том, что, исключая потенциально нереализуемые элементы из предмета регулирования, данные правовые средства выступают превентивной мерой по отношению к различным негативным явлениям в системе социального регулирования – подмене правового регулирования неправовым, искажению смысла правовой нормы, формированию незапланированных законодателем правовых последствий (интерполяции права [13]), снижению уровня правосознания и правовой культуры в целом.

Кроме того, исключения из ограничений могут использоваться законодателем, с целью стимулирования социально-полезных сфер. В частности, ограничения ограничений в виде исключений устанавливает и ФКЗ №2 «О Правительстве Российской Федерации». В частности, в ст. данного нормативного правового акта зафиксированы ограничения, связанные с пребыванием в составе Правительства Российской Федерации. Данная норма устанавливает ограничения, связанные с замещением других должностей в органах государственной власти и органах местного самоуправления членами правительства, ограничения на занятие

предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе на участие в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы. Однако для указанных ограничений законодательством установлены определенные исключения. В частности ограничение для членов правительства на занятие любой оплачиваемой деятельностью (не являющейся коммерческой) в свою очередь ограничивается исключением некоторых вариантов деятельности из числа ограниченной. А именно членам правительства фактически разрешено заниматься преподавательской, научной и иной творческой деятельностью. Данные виды деятельности относятся к числу приоритетных, и, в виду того, что в основном не относятся к числу производящих нуждаются во всесторонней государственной поддержке и стимулировании. Предполагается, что лица, входящие в состав правительства обладают высоким научным потенциалом, а также знаниями и практическим опытом, обеспечивающими профессиональную пригодность в преподавательской сфере. Таким образом, можно предположить, что данные исключения из ограничений призваны, в том числе, способствовать кадровому обеспечению указанных сфер.

Анализ норм ограничивающих правовые ограничения в форме исключений свидетельствует, они представляют собой вид ограничения ограничений, исключающий ранее установленные, или устанавливаемые, государством ограничения деятельности или действия правовых норм, устанавливающих какое-либо ограничение. Иными словами, в данном случае речь идет о правовых средствах ограничения ограничительных норм. С другой же стороны, эти ограничения представляют собой вариант дозволенной деятельности в общих рамках ограничений.

В целом, как показывает анализ законодательства и связанных с ним явлений юридические и фактические исключения из ограничений правового регулирования это необходимое, а главное социально полезное средство правового регулирования. Ограничения ограничений в общем и исключения из ограничений в частности повышают эффективность и гибкость системы правового регулирования. Ограничения ограничений четко «вписываются» в общую теорию правовых ограничений, являясь ее неотъемлемой частью.

Библиографический список

1. О Правительстве Российской Федерации [Федер. конст. закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ] (ред. от 28.12.2016) // Рос. Газ. 1997. 23 дек. Справочная правовая система «Консультант Плюс». (Обращение ресурсу 04.09.2017);
2. Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 08.05.2015) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27.11.2009 N 17. Справочная правовая система «Консультант Плюс» (Обращение к ресурсу: 14.09.2017);
3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Федер. закон. от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 05.04.2013 N 59-ФЗ) // Рос. газ. 1996. 25 июл., Справочная правовая система «Консультант плюс» (обращение к ресурсу: 05.10.2017).;
4. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации [Федер. закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ] (ред. от 01.07.2017) // Рос. газ. 1999. 05 мая., Справочная правовая система «Консультант плюс» (обращение к ресурсу: 05.10.2017);
5. Земельный кодекс Российской Федерации [Федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ] (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2017) // Рос. газ. 2001. 30 окт. Справочная правовая система «Консультант Плюс». (Обращение ресурсу 04.09.2017);
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) [Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ] (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017. »// Справочная правовая система «Консультант Плюс». (Обращение ресурсу 04.09.2017);
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ] (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) Рос. газ. 2001. 31 дек. Справочная правовая система «Консультант Плюс» (Обращение к ресурсу: 06.10.2017);
8. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Федер. закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Рос. газ. 1995. 29. нояб.

Справочная правовая система «Консультант Плюс» (Обращение к ресурсу:14.09.2017);

9. О государственной тайне [Федер. закон от 21.07.1993 № 5485-1] // Рос. газ. 1993. 21 сен.,

10. О чрезвычайном положении [Федер. конст. закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ] (ред. от 03.07.2016) // Рос. газ. 2001. 02 июн., Справочная правовая система «Консультант Плюс» (Обращение ресурсу 04.09.2017).

11. О коммерческой тайне [Федер. закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ] // Рос. газ. 2004. 05 авг.,

12. О персональных данных [Федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ] // Рос. газ. 2006. 29 июл.

13. Головкин Р.Б., Багиров Р.С. Интерполяция права : монография / Р.Б. Головкин, Р.С. Багиров ; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2015. 172 с.

14. Мамедов Э.Ф. Юридическая техника и механизм правового регулирования: понятие и соотношение//Вестник ИрГТУ №7 (78) 2013. С. 293.

15. Матузов Н.И. Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2004 С.223-225. . Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002.; Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 3-е изд. М., 2012.; Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988, и др.

16. Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. М.:1935-1940. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1040150> (обращение к ресурсу: 30.08.2017).

17. Толковый словарь русского языка. Режим доступа: <https://www.vedu.ru/expdic/19671/> (обращение к ресурсу: 31.08.2017).

УДК 34

Данилова О.А. Правовое регулирование правозащитной деятельности в СССР (1976-1981 г.г.)

Legal basis of human rights activities in the Soviet Union (1976-1981)

Данилова Ольга Альбертовна,

Магистрант

Вятский государственный университет

Научный руководитель

Скутнева С.В., ст.преподаватель кафедры теории и истории государства и права

Вятский государственный университет

Danilova Olga Albertovna

Graduate student

Vyatka state university

Scientific adviser: Skutneva S.V.,

Senior lecturer of Department of theory and history of state and law

Vyatka state university

***Аннотация.** В статье рассматривается хельсинкский этап развития правозащитного движения в СССР: участники, причины возникновения; формы правозащитной деятельности, правозащитные объединения.*

***Ключевые слова:** правозащитное движение, диссидентство, репрессии*

***Abstract.** The article looks at the Helsinki stage of development of human rights movement in USSR: participants, causes, forms of human rights activity, first human rights associations.*

***Keywords:** human-rights movement, dissidents, repressions, the Helsinki stage*

Отдельный период развития правозащитного движения связан с Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе. Участвующие в нем государства, в том числе и Советский Союз, подписали Заключительный акта от 01 августа 1975 года, охватывающий договоренности по трем направлениям сотрудничества: военное-политическое, экономическое, гуманитарное. Многие исследователи правозащитного движения, как части диссидентства, рассматривают подписание акта как основание для выделения нового этапа развития правозащитного движения.

Л.М.Алексеева выделяла следующие временные рамки этого периода: 1976 г. (создание Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР) – 1981 г. (усиление репрессивных мер со стороны государственных органов, например, высылка в г.Горький академика Сахарова А.Д., аресты общественных деятелей Т. Великановой, Г. Якунина) [1]. А.А. Данилов, анализируя движение диссидентов, выделяет те же временные рамки: «1976-1981 гг. - хельсинкский этап»[2].

Деятельность Московской Хельсинкской Группы (*далее* - МХГ) осуществлялась в нескольких направлениях. Во-первых, получение, сбор, систематизация сообщений о нарушении прав и свобод от советских граждан, а во-вторых, передача данной информации «по почте в канцелярию Президиума Верховного Совета СССР и в московские посольства стран-участниц Хельсинкских соглашений, иностранным корреспондентам на пресс-конференциях» [3]. За рубежом документы были преданы гласности: изданы сборники «Хроника» в Нью-Йорке, вдобавок опубликованы — Комиссией по безопасности и сотрудничеству в Вашингтоне. Подобная деятельность давала правозащитникам реальную возможность получения поддержки со стороны западной общественности, а также обеспечивала открытие миру информации о реальной обстановке дел с правами и свободами человека в Советском Союзе.

Правовой основой деятельности МХГ стал Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. По мнению инициатора и руководителя Группы Орлова Ю.Ф.: «...права граждан, перечисленные в гуманитарных статьях Заключительного Акта, следовало рассматривать как минимальный международный стандарт, минимальный норматив обращения с гражданами для правительств, подписавших Хельсинкские соглашения» [1].

Один из принципов международного гуманитарного взаимодействия сформулирован как уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений (п. VII ч. А разд. 1 Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) [4]. Раскрывается этот принцип в обязательстве государств поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод. Отдельно закреплялось уважение государствами-участниками права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на равенство перед законом, на предоставление им возможности фактического пользования правами и свободами человека, на защиту их законных интересов. Кроме того, подтверждалось, что в области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларацией прав человека. В Акте указывалось в свою очередь, что государства-участники будут выполнять свои обязательства, как они установлены в международных декларациях и соглашениях в этой области,

включая, в том числе Международные пакты о правах человека, если они ими связаны [4].

Как отмечает Л.М. Алексеева, МХГ призывала общественность других стран создать такие же группы. 9 ноября 1976 г. была объявлена Украинская хельсинкская группа, 25 ноября — Литовская, 14 января 1977 г. — Грузинская и 1 апреля — Армянская [1]. Как видим, хельсинкское движение было воспринято, прежде всего, участниками национальных движений в силу закрепления в международных актах прав национальных меньшинств. В то же время Алексеева Л.М. уточняет: «хельсинкские группы в нерусских республиках ни в коем случае не были филиалами МХГ, они были совершенно самостоятельными, но выступали они под общим лозунгом — соблюдение гуманитарных статей Заключительного Акта, что сблизило идейно и организационно эти национальные движения с правозащитным» [1]. Подобная ситуация означала распространение правозащитных идей по территории государства, повышение уровня правовой культуры общества.

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе сыграл важную роль не только для развития правозащитного движения, но и стал одной из предпосылок проведения конституционной реформы в Советском Союзе.

Проект Конституции СССР 1977 г. был вынесен на всенародное обсуждение, в котором участвовало свыше 140 млн человек. В Конституционную комиссию поступило около 400 тыс. предложений о поправках, в результате рассмотрения которых было исправлено 110 статей проекта и дополнено одной новой статьей о наказах избирателей. «В текст Конституции в результате ее всенародного обсуждения и рассмотрения было внесено 323 поправки» [5].

Для правозащитников особое значение имели нормы, закрепляющие право каждого гражданина СССР вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе; запрет преследования за критику. В свою очередь на должностных лиц возлагается обязанность рассмотреть предложения и заявления граждан, давать на них ответы и принимать необходимые меры (ст.49 Конституции СССР 1977 г.).

Однако это право не могло быть осуществлено и оставалось фикцией до принятия Закона СССР от 2 ноября 1989 г. N 719-1 «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и

должностных лиц, ущемляющих права граждан» (далее - Закона). В данном Законе устанавливается право на обращение с жалобой в суд (а не с заявлением или обращением, как закреплено в Конституции СССР 1977 г.), порядок подачи жалобы, сроки обращения в суд, порядок рассмотрения жалобы, разрешался вопрос распределения издержек, связанных с рассмотрением жалобы [6]. Законодатель четко определил пределы действия закона (ст.3 Закона), а также действия органов государственного управления и должностных лиц, подлежащие судебному обжалованию (ст.2 Закона).

Нормы, закрепляющие свободу слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст.50 Конституции СССР 1977 г.), по содержанию и форме закрепления практически воспроизводили аналогичные статьи Конституции СССР 1936 г. Сохранялся идеологический подход к пониманию правового статуса человека (подчеркивалась реализация данных прав в целях укрепления социалистического строя или коммунистического строительства). Такой подход подтверждается неконкретными, размытыми формулировками в ст.51 Конституции СССР 1977 г. - «общественным организациям гарантируются условия для успешного выполнения ими своих уставных задач» [7], равно как отсутствием указания на иные специальные законы, регулирующие данный вопрос.

Очевидно, подобный механизм не служил укреплению обратной связи во взаимодействии «государство-общество». Но советский законодатель был не готов к изменению установившейся со времен образования СССР системы вертикали власти.

Как указывает А.В.Скутнев, «1970-1980-е г.г. - это время интеллектуальной победы Запада над умами советской интеллигенции» [8, с.56]. Об этом свидетельствует деятельность МХГ. Из содержания документов МХГ о нарушении прав советских людей в обосновании своей позиции многие из них ссылались на международные договоры, международные политические события. Так, в Документе № 3 «Об условиях содержания узников совести» от 17 июня 1976 г. о грубых нарушениях советской администрацией положений о запрете применения пыток и жестокого, бесчеловечного обращения (ст. 7, ч. III Международного пакта о гражданских и политических правах) [9, с. 34].

«Во второй половине XX в. СССР пытался сотрудничать с Западом и отказался от сталинских методов физического устранения оппозиции. Но сознание политического руководство осталось прежним» [8, с.80]. Об этом свидетельствуют ведомственные документы, в частности, Выписка из

протокола № П46/Х заседания Политбюро ЦК КПСС «Об указаниях советскому послу в Вашингтоне для беседы с С. Вэнсом (государственный секретарь США) по вопросу о «правах человека» с приложением проекта указаний советскому послу»: «в Москве вызвала крайнее недоумение постановка перед нами американской стороной вопроса об освобождении Гинзбурга — советского гражданина, привлеченного к ответственности за действия, наказуемые в соответствии с нашим законодательством в уголовном порядке. То, что подобное вмешательство в наши внутренние дела предпринимается под предлогом заботы о «правах человека», не меняет существа дела. Разумеется, каждый волен иметь собственный взгляд на вещи, в том числе на то, как обстоит дело со свободой и правами человека в той или иной стране. Свое понимание этих вопросов и их состояния в США есть и у нас» [10].

Принятие Конституции СССР 1977 г. ознаменовало первый этап реформирования правовых основ советского государства. Исполнение установки на дальнейшее развитие социалистической демократии, закрепленной в ст.9 Конституции СССР 1977 г, «на практике породила три взаимосвязанных процессов: политизацию формальных институтов (профсоюзов, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации, трудовые коллективы); фактическую, а затем и юридическую ликвидацию моногосподства КПСС; формирование общественно-политических движений и первых партий самых различных направлений» [11]. Следовательно, ратификация международных актов стала толчком к дальнейшему распространению правозащитной деятельности. Однако основным направлением правозащитной деятельности стало информирование международной общественности о состоянии прав и свобод человека в Советском Союзе. Эта работа велась Московской Хельсинкской группой и другими группами, поддержавшими хельсинское движение. Новых действенных методов борьбы с нарушениями прав и свобод человека в рамках правового поля в распоряжении правозащитников не было.

Библиографический список

1. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР // Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/diss/books/ALEXEEWA/index.html>
2. Королев А.А., Королева Л.А., Молькин А.Н. К вопросу о периодизации диссидентского движения в СССР // Социодинамика. — 2014. - № 3. - С.43-49. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_11152.html

3. Сайт Московской Хельсинкской группы [Электронный ресурс]// URL : <https://www.mhg.ru/history> (Дата обращения – 23.11.2017)

4. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (подписан в г. Хельсинки 01.08.1975)// СПС КонсультантПлюс

5. Мамонов В. В. Конституция СССР 1977 года: этап развития или основа «Застоя»? // Ленинградский юридический журнал. 2014. №4 (38). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsiya-sssr-1977-goda-etap-razvitiya-ili-osnova-zastoya> (дата обращения: 24.11.2017).

6. Закон СССР от 02.11.1989 N 719-1 «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан»// Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1186/

7. Конституция СССР 1977// СПС КонсультантПлюс

8. Скутнев А.В. Протестное движение в СССР в 1945 – 1985 гг.: эмиграция и диссидентское движение. - Киров: Издательство КФ СПбГУП, 2011. – 105 с.

9. Документы Московской Хельсинкской группы / [Моск. Хельсинк. группа; о-во «Мемориал»; сост. Д. И. Зубарев, Г. В. Кузовкин].– М. : Моск. Хельсинк. группа, 2006. – 592 с.

10. Власть и диссиденты: из документов КГБ и ЦК КПСС/ Коллектив. авторов: Архив нац. безопасности при Университете Д.Вашингтона (США) и Моск.Хельсинск. Группа; Подг. Алексей Макаров [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mhg.ru/files/012/Vlastdis.pdf> (дата обращения: 13.04.2017)

11. Бехтерев, С.Л. Проблемы правового обеспечения деятельности общественно-политических объединений России в 1990-е гг. [Текст] / С. Л. Бехтерев // История государства и права. - 2012. - N 21. - С. 44-47.

УДК 340.1

Малышкин А.В. Понятие и сущность механизма юрисдикции

The concept and essence of the mechanism's jurisdiction

Малышкин Александр Викторович,

кандидат юридических наук,
председатель Владимирского областного суда
Malyshkin Aleksandr Viktorovich,
PhD,
The Chairman of the Vladimir regional court

***Аннотация.** Юрисдикция как одна из важнейших категорий юриспруденции нуждается в своем механизме, внутреннем наполнении, которое способствует выполнению стоящих перед ней задач. Автором рассматриваются различные подходы к пониманию механизмов, используемых в различных областях научного знания с определением возможности их применения к юрисдикционной деятельности.*

***Ключевые слова:** юрисдикция, механизм, структура, элементы, реализация, применение, регулирование.*

***Abstract.** Jurisdiction as one of the most important categories of law needs its mechanism, internal filling, which contributes to accomplishing its tasks. The author considers various approaches to the understanding of the mechanisms used in the various fields of scientific knowledge, with the determination of their applicability to jurisdictional activities.*

***Keywords:** jurisdiction, mechanism, structure, elements, implementation, application, regulation.*

Ознакомление с юрисдикцией как достаточно сложным явлением, её органическая взаимосвязь с иными явлениями, процессами, видами деятельности, реализация стоящих перед ней целей, предполагает рассмотрение юрисдикции с точки зрения системного подхода, составляющих её элементов, взаимосвязей данных элементов, которые в целом будут составлять не что иное как механизм.

Вместе с тем, в первую очередь необходимо определить, что это за механизм, возможно это будет самостоятельный механизм, не имеющий отношение к рассматриваемым в теории права механизмам, либо это один из их разновидностей. Как отмечает профессор В.Б. Исаков: «зная механизм, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе» [15]

На сложность изучения механизма любого правового явления, процесса или деятельности в своей работе указывает К.В. Шундилов: «Характеристика

явления или процесса как механизма предполагает: во-первых, сложность его строения; во-вторых, системность, согласованность организации его элементов; в-третьих, его способностью к динамике; в-четвертых, его подверженность самоуправлению либо внешнему управлению» [58]. Как правильно заметил профессор С.С. Алексеев, понятие механизма применительно к правовым явлениям призвано отразить анатомию правовой действительности с её динамической стороны, вместе с тем данное понятие является емким и многогранным, предполагающее рассмотрение его с различных точек зрения, в том числе и за счет использования потенциала других наук [4]. В научной литературе справедливо отмечается на сложность изучения любых механизмов ввиду значительной информационной нагрузки термина «механизм» [6, 12, 14, 29, 31, 35, 42, 48, 51].

В словаре русского языка «механизм» обозначается как система, внутреннее устройство, определяющее порядок какого-либо вида деятельности, процесса [26, 37], в переводе с иностранного (нем. *mechanismus*, фр. *mécanisme*) совокупность состояний и процессов, из которых складывается то или иное явление [49]. Синонимами слова «механизм» выступают слова «устройство», «приспособление», «организация» и др. [3]

Данный термин был заимствован гуманитарными науками из технических для обозначения системы инструментов и средств, которые используются в определенных сферах деятельности людей [20].

Рассмотрим какой смысл вкладывают представители гуманитарных наук в понятие механизма и за счет чего формируется его внутреннее наполнение.

В философии механизм определяется как система движений или событий, а также устройство или приспособление, в котором и посредством которого совершаются эти движения, определяемые законами природы [53].

Термин «механизм» широко используется в экономике для повышения эффективности управления и взаимодействия. Разрабатываются различные механизмы: «механизм развития национальной экономики», «механизмы повышения эффективности и конкурентоспособности промышленности», «механизмы государственного регулирования инновационной сферы», «механизмы управления эколого-экономическими системами» и т.д. [11]

Как отмечает А.Н. Бычкова, рассматривая экономический механизм: «механизм – это множество взаимосвязанных элементов, которые приводят в движение объект. При этом выделяется два подхода: механизм может рассматриваться как совокупность элементов, воздействующих на развитие

объекта, и как взаимосвязь и взаимодействие элементов, обеспечивающих развитие объекта» [11].

В психологии под психологическими механизмами предлагают понимать систему психических явлений, функциональных способов, предназначенных для преобразования и формирования активности, в результате чего повышается или понижается уровень организованности личностной системы [7, 8, 30], выделяя при этом такие механизмы как: рефлексивный механизм, мотивационный механизм, физиологический механизм, волевой механизм, механизм релаксации и др. [57]

В социологии управления широко изучается «социальный механизм управления. Так, в «Социологическом энциклопедическом словаре» социальный механизм определяется как «взаимодействие социальных структур, норм, институтов, образцов поведения и т.д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы» [49]. Под социальным механизмом управления понимается совокупность организационной структуры, социальных технологий управления и принципов организационной культуры [13].

В структуру механизма управления В.И. Козачок, С.А. Власова включают функции и методы управления [23].

Проводя исследование политических механизмов А. В. Козлова предлагает понимать по механизмом собой совокупность неких структур, определенным образом взаимодействующих между собой в целях изменения состояния или положения социума или его отдельных образований и сторон [24].

С точки зрения Г.А. Колобовой: «Политические механизмы представляют собой систему взаимообусловленных политических институтов, действий, средств и способов, направленных на реализацию политической цели в определенной сфере общественных отношений на определенном этапе развития общества» [25].

Как видим, термин «механизм» находит очень широкое применение в гуманитарных науках, вместе с тем все обозначенные механизмы имеют одно функциональное назначение – способность регулировать те или иные социальные отношения. Вопрос о внутреннем наполнении рассмотренных механизмов не отличается единообразием. Их совокупность может быть представлена следующими элементами механизма: институты, действия, средства, способы, некие структуры, нормы, образцы поведения, психические

явления, система движений и др. Чем обуславливается порой внутреннее наполнение механизма остается только догадываться.

Значительно применение механизма в юридических исследованиях.

Практически каждое научное исследование в области юриспруденции так или иначе затрагивает либо целенаправленно изучает определенный правовой механизм. Некоторые исследователи исследуют механизмы с точки зрения их статики - как набор определенных элементов, другие пытаются изучить данные правовые конструкции в их динамике, выявляя стадии и этапы действия механизмов.

Термин «механизм» широко используется в юридической науке применительно к различным правовым явлениям и процессам, прежде всего для характеристики функционирования органов государственной власти, а также при определении регулятивного воздействия на участников общественных отношений или сами общественные отношения со стороны уполномоченных органов и должностных лиц. Так в науке выделяют: «правовой механизм» [58]; «механизм правового регулирования» [4, 22, 36], «механизм правоприменения» [54], «механизм правотворчества» [21], «механизм правореализации» [41, 43], «механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина» [34], «правоохранительный механизм» [9, 39], «механизм возникновения права собственности» [56], «механизм защиты прав и свобод человека» [18], «механизм гражданско-правового регулирования» [42], «механизм управления» [2, 10], «механизм государства» [22, 40, 52, 55], «механизм правового воздействия» [36] и др.

Для того, чтобы описать механизм юрисдикции необходимо иметь представление о том, что из себя представляет сама юрисдикция. Бесспорно, что юрисдикция представляет собой правоприменительную деятельность [32] уполномоченных на то субъектов и поэтому возможно говорить о механизме юрисдикции как о механизме правоприменения. Правоприменение в свою очередь является одной из форм реализации права, и мы уже отмечали, что выделяют механизм реализации права, элементы которого могут быть вполне приемлемы для раскрытия механизма юрисдикции.

В самом общем понимании механизм в юридической сфере представляется значительной частью авторов как совокупность правовых средств. Вместе с тем, есть авторы со своим видением проблемы.

Рассматривая механизм правореализации, Ю. С. Решетов пришел к выводу, что: «элементами механизма правореализации выступают не сами

правовые средства, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения, а виды правомерной деятельности, поэтому структура механизма реализации права виделась автору в выделении трех компонентов: 1) целостного участка правомерного поведения, представляющего собой саморегулирование участниками реализации правовых норм своего поведения; 2) целостного участка правомерной деятельности субъектов, осуществляющих индивидуально-правовое регулирование; 3) целостного участка правомерного поведения участников индивидуально-регламентированных общественных отношений» [41].

В.А. Сапун, рассматривая правовые средства как инструмент механизма реализации права предлагает понимать под механизмом реализации права: «систему правовых средств, которые в своем функционировании приводят к практическому осуществлению объективного и субъективного права, достижению конечных социально-экономических результатов при решении конкретных социальных задач» [44]. Очень хорошее на наш взгляд определение, вместе с тем, сами по себе правовые средства не могут функционировать, более правильно было бы сказать об их использовании.

Проводя исследование механизма правоприменения А.С. Катеков, не давая его определение, включает в него три составляющих: нормативную, институциональную и процессуальную или функциональную [19].

Нормативная составляющая, по мнению автора, это совокупность действующих правовых норм, определяющих права и обязанности субъектов, юридические факты, при наличии которых уполномоченные органы и должностные лица будут иметь возможность реализовать предоставленную им компетенцию.

Институциональная составляющая механизма правового регулирования представляется как совокупность государственных и негосударственных органов и их должностных лиц, которым государством делегированы полномочия на осуществление правоприменительной деятельности по рассмотрению и разрешению различных категорий дел.

Процессуальная составляющая характеризует динамику механизма применения права и состоит из правоприменительного правоотношения, стадий и циклов правоприменения, актов применения права.

Представляется, что применительно к механизму юрисдикции вполне допустимо использовать предлагаемые А.С. Катековым составляющие

механизма правоприменения, вместе с тем за исключением институциональной составляющей наполнение механизма правоприменения точно такое же, как и механизма правового регулирования: нормы права, правоотношения и акты реализации права. Кроме того, при рассмотрении механизма применения права А.С. Категов включает в него и психологическую составляющую применительно к субъекту применения, то есть интеллектуально-творческую деятельность, которую данный субъект осуществляет в рамках правоприменения.

Аналогичным образом, К.С. Каверина, предлагает понимать под механизмом реализации норм административного права «систему взаимосвязанных и взаимодействующих между собой нормативно-институциональных, процедурно-процессуальных и инструментальных элементов, с помощью которых осуществляется и обеспечивается многообразная управленческая деятельность органов и должностных лиц государственной (муниципальной) публичной власти, организаций, граждан в целях решения конкретных управленческих задач, с помощью возложенных на них функций, полномочий, предоставленных им прав и обязанностей» [16]. Структурное наполнение механизма реализации норм административного права видится автором в совокупности нормативных правовых актов, создающих базовые условия для реализации административных норм, соответствующих формам и методах, при помощи которых будут решены стоящие управленческие задачи.

Юрисдикционная деятельность является правоохранительной и правозащитной деятельностью в рамках которой может применяться механизм правоохраны и механизм правозащиты.

В. М. Капицын вводит в научный оборот понятие «гуманитарный правозащитный механизм», который включает в себя нормы права, юридические факты, правоотношения, формы и акты реализации субъективных прав и юридических обязанностей, акты применения права, элементы правосознания и правовой культуры, интегрируя это в организации и действиях индивидов, корпораций, объединений, органов государственной власти и местного самоуправления [17]. Как видно из выше обозначенного автор берет за основу элементы механизма правового регулирования, предложенные профессором С.С. Алексеевым. Рассматривая юридические средства защиты субъективных права А.П. Смирнов в своей работе предлагает следующее понимание механизма защиты: «это совокупность юридических

средств защиты, действие которых подчинено определенному алгоритму и направлено на пресечение правонарушения, восстановление нарушенного субъективного права или компенсацию за нарушенное или утраченное субъективное право» [46]. В качестве юридических средств автор понимает охранительные нормы права, правоотношения и акты реализации.

Седышев А.Г. в своем диссертационном исследовании, вернее в положениях, выносимых на защиту предлагает следующее определение механизма юридической защиты прав и свобод человека и его структурных элементов: «система институциональных, нормативных, процедурно-организационных и контрольных элементов, взаимодействующих и определяющих эффективность правовой защищённости прав и свобод человека. Структура механизма юридической защиты прав и свобод человека, включает в себя следующее: правомерную деятельность субъектов права, общественное мнение, нормативные, процедурно-организационные мероприятия, ответственность, контроль» [45]. Никаких мыслей автора относительно сделанных им выводов и их обоснования в работе найти не представилось возможным.

Большинство рассмотренных выше механизмов представляются как составные части механизма правового регулирования, который является более общим понятием по сравнению с механизмом реализации права, механизмом правоприменения, механизмом правозащиты и др. Относительно понимания механизма правового регулирования также существуют различные подходы.

Под механизмом правового регулирования понимается взятая в единстве вся совокупность правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [5]. Предложенное несколько десятилетий назад определение механизма в своей основе сохранилось с небольшими модификациями и в настоящее время. Вместе с тем, были предложены и несколько иные подходы к пониманию механизма правового регулирования. С точки зрения А.В. Малько механизм правового регулирования представляет собой: «систему правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права» [33].

А.А. Абрамова определяет механизм правового регулирования как: «нормативно-организованный, последовательно осуществляемый комплексный процесс, направленный на результативное воплощение

правовых норм в жизнь при помощи адекватных правовых средств» [1]. Определение, даваемое А.А. Абрамовой более подойдет не для механизма правового регулирования, а для механизма реализации права или механизма правоприменения, о которых мы отмечали ранее.

М.Ю. Осипов предлагает рассматривать механизм правового регулирования как разновидность правового механизма, который представляет собой: «систему юридических средств организованную наиболее последовательным образом и направленную на упорядочение общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования, путем придания им юридической формы посредством метода правового регулирования» [38]. Достаточно интересное определение. Оно практически не отличается от оригинального (автор - С.С. Алексеев), автор вместо термина «совокупность» использует термин «система», хотя система это и есть совокупность, не просто юридические средства, а каким-то образом организованные наиболее последовательным образом. Не совсем ясно для чего упорядочивать общественные отношения, которые уже урегулированы, так как по мнению автора уже входят в предмет правового регулирования. Также непонятно в какой форме были общественные отношения, что им необходимо при помощи метода придать юридическую форму.

Более широкая трактовка механизма правового регулирования включает всю системную совокупность явлений, рассмотренную в ее функциональном аспекте [50], в том числе субъектов правового регулирования и юридически значимые результаты их деятельности [27].

Приведенные трактовки понимания механизма правового регулирования только запутывают выстраивания четкого представления о нем. Главное, в чем сходятся авторы, говоря о механизме правового регулирования, что его содержание составляют правовые средства, при помощи которых будет осуществляться воздействие на общественные отношения, причем то, что относится к правовым средствам единообразие отсутствует.

В юриспруденции еще предлагают выделять такое словосочетание как «правовой механизм».

С.А. Кузнецова пытаясь определиться с данным понятием формулирует следующую дефиницию правового механизма: «совокупность правовых норм, правоотношений и юридических актов, участвующих в правовом воздействии, и существующих в виде динамической, внутренне единой системы, элементы

которой приобретают новые свойства именно в результате своего взаимодействия» [28]. В чем отличие правового механизма от механизма правового регулирования из данного определения не совсем понятно.

По мнению Д.И. Текутьева: ««правовой механизм представляет собой систему средств, являющихся элементами этого механизма, с помощью которых обеспечивается правовое воздействие на определенные общественные отношения» [51]. Автор видит различие обозначенных механизмов в том, что в правовой механизм могут быть включены как средства, закрепленные в норме права, так и иные правовые средства (акты индивидуального регулирования, договоры, локальные нормативные акты и т.д.). Обозначенные правовые средства с нашей точки зрения также находят применение в рамках механизма правового регулирования на различных его стадиях: стадии формирования и действия юридических норм, стадии возникновения прав и обязанностей, стадии реализации прав и обязанностей. Разница между рассматриваемыми механизмами с нашей точки зрения видится в том, что правовой механизм может представлять собой совокупность правовых средств, используемых уполномоченными субъектами для достижения стоящих перед ними целей. Причем в зависимости от вида правовой практики набор правовых средств может быть различен, для правотворчества один, правореализации другой, для правоприменения третий.

Относительно механизма юрисдикции, то учитывая вышеизложенное он может быть представлен как совокупность правовых средств, используемых для разрешения правовых конфликтов, а также для создания условий реализации прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Библиографический список

1. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: Дис. ... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – С. 20.
2. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. – М., 1999. – С. 508.
3. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – М., 2001. – С. 206, 294, 529.
4. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. – М.: Юрид. лит. 1982. – С. 9-31.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. – М., 2008. – С. 267.

6. Андреев Ю.Н. Механизм гражданско-правовой защиты. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 464 с.
7. Антилогова Л.Н. Психологические механизмы развития нравственного сознания: монография. – Омск, 1999.
8. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системе // Психология формирования и развития личности. – М., 1981.
9. Ардашкин В.Д. Правоохранительный механизм: понятие, научный инструментарий // Охранительный механизм в правовой системе социализма. – Красноярск, 1989.
10. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. – М., 1997. – С. 86.
11. Бычкова А.Н. Экономический механизм: определение, классификация и применение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2010. – № 4. – С. 37.
12. Васильев А.М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. – М., 1976.
13. Грудзинский А. О. Социальный механизм управления инновационным университетом: автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – СПб., 2005. – С. 9.
14. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. – М., 1991.
15. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования. Проблемы теории государства и права / Под ред. С.С. Алексеева. – М., 1987. – С. 226.
16. Каверина К.С. Механизм реализации норм административного права : автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С.15.
17. Капицын В. М. Права человека и механизмы их защиты. – М.: ЭКМОС, 2003. – С.139.
18. Карташкин В.А. Полномочия и деятельность Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации // Российский форум по правовым и экономическим вопросам: Сб. докладов. – М., 1998. – С. 33 – 35.
19. Катеков А.С. Механизм применения права и правовая система России (теоретико-методологический анализ) : дис. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – С.12.
20. Кеме В.Ж. Социальные аспекты стратегии ускорения // Вопросы философии. – 1986. – № 11. –С. 40.

21. Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. – М., 1977.
22. Кожевников С.Н. Проблемы теории права. Право: понятие, сущность, система; правотворчество и правовое регулирование: курс лекций: в 2 ч. – Н. Новгород, 2004. Ч. 1. – С. 255.
23. Козачок В.И., Власова С.А. Историческая ретроспектива развития социального механизма управления // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 2. – С. 52.
24. Козлова А. В. Политические механизмы обеспечения безопасности государства в экономической сфере: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 2009. – С.29.
25. Колобова Г.А. Политический механизм: анализ категории // Вестник Башкирского университета. – 2010. Т. 15. – №4. –С. 1230.
26. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2002. – С. 435.
27. Кудрявцев В.Н., Васильев А.М. Право: развитие общего понятия // Советское государство и право. – 1985. – № 7. – С. 12 - 13.
28. Кузнецова С.А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1 (57). – С. 11.
29. Кульман А. Экономические механизмы. – М.: Издат. группа «Прогресс»; «Универс», 1993. – 192 с.
30. Леонтьев В.Г. Психологические механизмы мотивации. – Новосибирск, 1992.
31. Макарейко Н.В. Государственное принуждение в механизме обеспечения экономической безопасности: теоретические и прикладные проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2016. – 758 с.
32. Малышкин А.В., Миронов А.Н. Понятие юрисдикции // Административное право и процесс. – 2017. – № 8. – С. 29-33.
33. Малько А.В. Механизм правового регулирования: Лекция // Правоведение. – 1996. – № 3 (214). – С. 57.
34. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / Под ред. Н.И. Матузова. – Саратов, 1996.
35. Нехайчик В.К. Использование деятельностного подхода в исследовании механизма административно-правового воздействия // Административное право и процесс. – 2014. – № 4. – С. 58 – 60.

36. Общая теория государства и права. Академический курс: в 2 т. / под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. Т. 2. – С. 441, 449, 454.
37. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1993. – С. 300.
38. Осипов М.Ю. Теория социально-правовых процессов: монография. – М., 2011. – С.137.
39. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. – Свердловск, 1973. – С. 84 - 121.
40. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М., 1998. – С. 567.
41. Решетов Ю. С Механизм правореализации в условиях развитого социализма. – Казань: Казан.гос. ун-та, 1980. – С. 118–119.
42. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. – 336 с.
43. Ростовщиков И.В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград, 1997.
44. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: Дис. ... докт. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 82.
45. Седышев А.Г. Проблемы понимания механизма юридической защиты прав и свобод человека : дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2003. – С.8.
46. Смирнов А. П. Юридические средства защиты субъективных прав: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2015. – С. 52.
47. Современный толковый словарь русского языка. – М., 2009. – С. 347.
48. Сокольская Л.В. Механизм правовой аккультурации // Журнал российского права. – 2015. – № 2. – С. 25 – 34.
49. Социологический энциклопедический словарь / (Ред.) координатор Г.В. Осипов. – М., 1998.
50. Сырых В.М. Теория государства и права / Под ред. С.А. Чибиряева. – М., 1998. – С. 146.
51. Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. – М.: Статут, 2017. – 176 с.

52. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. – М., 1998. – С. 154.
53. Философский энциклопедический словарь. – М., 2010. – С.657.
54. Чванов О.А. Механизм правоприменения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1995.
55. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – М., 1999. – С. 136.
56. Черепашин Б.Б. Первоначальные способы приобретения собственности по действующему праву // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Т. 2. Вып. 4. – Саратов, 1924. – С. 3 - 31.
57. Черкевич Е.А. Система психологических механизмов саморегуляции психических состояний личности// Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 2 (26). – С. 118-120.
58. Шундилов К.В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. – 2006. – № 12. – С. 13.

УДК 34

Разина М.А. Реализация женщинами права на участие в избирательном процессе в СССР в период с 1918 по 1936 гг.

The realization of the right to participate in the election process by women in USSR in the period from 1918 till 1936.

Разина Марина Андреевна,

Магистрант 2 курса Юридического института
ФГБОУ ВО "Вятский государственный университет", ВятГУ (г. Киров)

Скутнева Светлана Васильевна,

ст.преподаватель, Вятский государственный университет

Razina Marina Andreevna,

The undergraduate of 2 course of the Institute of law

FGOBU in Vyatka State University, VjatGU (Kirov)

Skutneva S.V.,

Senior lecturer, Vyatka state university

***Аннотация.** В статье рассматриваются подходы советских и современных ученых-юристов относительно реализации женщинами активного и пассивного избирательного права в период с 1918 по 1936 гг. Анализируются конституционно-правовые акты, действующие в течение данного периода, посвященные вопросам избирательного права.*

***Ключевые слова:** женщины, равноправие, избирательное право, политические права.*

***Abstract.** The article describes the approaches of Soviet and modern scientists-lawyers scholars regarding the realization of active and passive suffrage by women for the period 1918-1936. The acts of constitutional law, existing during this period, are analyzed.*

***Keywords:** Women, equality, electoral law, political rights.*

В Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа 1918 г., принятой III Всероссийским съездом Советов, вообще не содержался принцип равноправия, не упоминалось про равноправие мужчины и женщины. В документе подчеркивалось лишь то, что «в момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам»[1].

Конституция РСФСР, которая была принята в июле 1918 г. V Всероссийским съездом Советов, провозглашала политическое и гражданское равенство мужчин и женщин. В ст. 64 Конституции РСФСР 1918 г. закреплялось право «избирать и быть избранными в Советы... обоюбого пола граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», то есть отменялся гендерный избирательный ценз. Возрастной ценз понижался до восемнадцати лет[2].

На наш взгляд, справедливо утверждение Скутнева А.В. о том, что все провозглашенные в первой советской конституции права и свободы были закреплены исключительно за трудящимися, в том числе и избирательное право. Закреплялось подавление слоев общества, причисленных к эксплуататорским классам, и, соответственно, они были поражены в избирательных правах[3, с.17].

Согласно ст. 64 Конституции РСФСР 1918 года избирательное право предоставлялось всем добывающим средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, лицам, занятым домашним хозяйством, обеспечивающим возможность производительного труда (рабочим и служащим всех видов и категорий, занятым в промышленности, торговле, сельском хозяйстве), крестьянам, казакам-земледельцам, не пользующимся наемным трудом с целью извлечения прибыли, нетрудоспособным и солдатам Советской армии и флота. В соответствии со ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. возможности реализовывать свои избирательные права лишались следующие категории населения:

- а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли;
- б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.;
- в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники;
- г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов;
- д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома;
- е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой;
- ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором[2].

Следовательно, в Конституции РСФСР 1918 г. нормативно было закреплено участие женщин в избирательном процессе. По мнению М.С. Саламатовой, у женщин появилась возможность реализовать свою политическую активность в легальном поле, что было разрывом с дореволюционными российскими традициями и с общемировым опытом [4, с. 1537].

Согласно 70 Конституции РСФСР 1918 г., принципы советской избирательной системы содержались в инструкциях ВЦИК [2]. Такими принципами были производственно-территориальный принцип проведения

выборов и принцип открытого голосования. М.С. Саламатова считает, что открытое голосование на советских выборах было регрессом по сравнению с дореволюционным порядком голосования и его введение обусловлено тем, что большевики стремились влиять на результаты выборов[4,с.1539]. Производственный принцип проведения выборов в городах не применялся в дореволюционный период, он существовал в период с 1918 по 1925 гг. Мы согласны с точкой зрения М.С. Саламатовой, которая полагает, что недостатками данного принципа были полупринудительность участия в выборах на производстве и невозможность участия в выборах избирателей, которые не были объединены в трудовые коллективы и не являлись членами профсоюзов[4,с.1540]. На наш взгляд, производственный принцип проведения выборов в городах в период с 1918 по 1925 гг., затруднял женщинам реализацию избирательных прав.

В соответствии со ст. 68 Конституции РСФСР 1925 г., реализовывать активное и пассивное избирательное право могли все добывающие средства к жизни производительным и общественно-полезным трудом, лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим возможность производительного труда, красноармейцы и краснофлотцы рабоче-крестьянских Красных армии и флота, нетрудоспособные [5].

По мнению А. Турубинера, в Конституции РСФСР 1925 г. не было подробных и точных правовых норм по вопросам избирательного права. По сравнению с первой советской конституцией, в ст. 68 Конституции РСФСР 1925 г. не было примерного перечня тех, кто мог реализовывать избирательные права. Согласно ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., закреплялось лишение избирательных прав ряда населения, как и в ст. 65 Конституции РСФСР 1918 г. [6]. Следовательно, мы согласны с утверждением Скутнева А.В. о том, что норма о лишении прав определенных социальных слоев сохранялась в Конституции РСФСР 1925 г.[3, с.17].

В 1925 г. Инструкцией о перевыборах Советов ЦИК СССР от 16 января 1925 г. был введен производственно-территориальный порядок проведения выборов в городах [7]. По территориальному принципу в городах выборы организовывались для тех, кто не был членом трудовых коллективов и профсоюзов, то есть расширялся круг лиц, реализующих свои избирательные права [4,с.1540].

М. Соломонов приводил следующие данные: на выборах в сельсоветы 1924 г. участвовало 19,9% женщин, имеющих избирательное право, в 1925 г.

– 28,7%, в 1929 г. – до 46,9%, в 1929 г. среди крестьянок членами сельсовета было 19%, председателями сельсоветов – 7,1%. Он считает, что имела место быть проблема низкого участия женщин в избирательных кампаниях, особенно крестьянок. По мнению М. Соломонова, «в советских условиях женская кандидатура – это раньше всего политическая, классовая кандидатура»[8]. Следует отметить также и то, что, по мнению А.В. Петрова и Ю.В. Кокоревой, с 1919 года существовала квотная система представленности женщин во всех властных структурах, в том числе и в выборных законодательных органах [9, с.241]. Согласно «квотному подходу», основывавшемуся на идеологических установках Коммунистической партии, в органах законодательной власти был представлен определенный процент женщин и их определенный социальный и профессиональный состав (доярки, ткачихи, учителя) [10, с.97].

Чугунов С., Шостак Г. отмечали, что в ходе избирательной кампании 1934–1935 гг. женщины составили абсолютное большинство среди сельских избирателей и среди избирателей, которые явились на выборы. Из общего числа кандидатов наибольший процент составили женщины. В то же время в массовых органах процент женщин был выше, чем в исполкомах и президиумах. Падение удельного веса женщин по сравнению с ранее достигнутым уровнем было в президиумах горсоветов, XVI Всероссийском Съезде Советов и во ВЦИК [11].

Подводя итог вышесказанному, представляется возможным утверждение о том, что в период с 1918 по 1936 гг. в конституционно-правовых актах закреплялось активное и пассивное избирательное право женщин. В данный период участвовать в избирательном процессе могли лишь женщины из класса трудящихся, а те из них, кто в соответствии с правовыми нормами относился к эксплуататорским классам, лишались права избирать и быть избранными.

Библиографический список

1. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (принята III Всероссийским съездом Советов 25 (12) января 1918 г.) // Справочно-правовая система «Гарант». - Режим доступа: локальный. - Дата обращения: 13.11.2017.
2. «Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (принята V Всероссийским съездом

Советов 10.07.1918 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». - Режим доступа: локальный. - Дата обращения: 13.11.2017.

3. Скутнев А.В. Государство и общественные правозащитные организации: история и современность: монография/ А.В. Скутнев.-Киров: ФГБОУ ВПО «ВятГУ», 2015. – 100с.

4. Саламатова М.С. Избирательная система Советской России 1918-1936 гг.: новые интерпретации // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 12.С.1535-1542.

5. «Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». - Режим доступа: локальный. - Дата обращения: 17.11.2017.

6. Турубинер А. Избирательное право РСФСР // Административный вестник.1926. № 1–13. С. 10.

7. Постановление Президиума ЦИК СССР от 16 января 1925 г. «О перевыборах в Советы» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. 1925. N 6. Ст. 55. Ст. 25

8. Соломонов М. Женщины в предвыборной кампании // Советская страна.1930. № 12(53). С. 56.

9. Петров А. В., Кокорева Ю. В. Развитие института правового статуса женщин в советской России через призму женского движения: политико-правовой аспект // Вестник ННГУ. 2009. №4. С.237-243

10. Королева Т. А. Проблема участия женщин в выборном процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. №1. С.96-101

11. Чугунов С., Шостак Г. Советы восемнадцатого года пролетарской диктатуры (анализ состава советов за 10 лет – 1924–1934 гг.) // Советское государство. 1935. № 5. С. 43, 46.

УДК 340.1

Уханов А. Д. Способы познания социокультурных основ права: возможные варианты

Ways to learn the socio-cultural foundations of law: possible options

Уханов Антон Дмитриевич

магистрант Факультета права

НИУ «Высшая школа экономики»

Ukhanov Anton Dmitrievich

graduate studies of the Faculty of Law,

Higher School of Economics

***Аннотация.** В работе рассматривается методическая составляющая социокультурного подхода к познанию права. Предлагаются возможные, конкретные процедуры и способы постижения права в рамках социокультурного подхода к праву.*

***Ключевые слова:** право, способы познания, методика, социокультурный подход.*

***Abstract.** The methodical component of the sociocultural approach to cognition of law is considered in the work. Proposed possible, specific procedures and ways of understanding the law within the framework of the sociocultural approach to law.*

***Keywords:** law, methods of cognition, methodology, sociocultural approach.*

(работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6)

Одним из направлений современной общей теории права становится социокультурный подход права, направленный на установление связи права с социальной и культурной средой, в которой оно функционирует. Развиваясь и формируясь, в настоящий момент, в целом как область знания права и в тоже время как теоретико-методологическая стратегия познания права социокультурный подход отличается слабой методической разработанностью. Т.е. конкретные, пошаговые процедуры познания права в рамках социокультурного подхода фактически отсутствуют. Что, как думается, связано с общим положением этой «мощной» и эвристически плодотворной исследовательской традицией.

Нам же представляется, что следует уделять большее внимание методической составляющей социокультурного подхода и постепенно переходить от эпистемологической легитимации последнего в область конкретных способов и процедур познания социокультурных основ права. В связи, с чем нами предлагаются некоторые возможные способы познания,

которые вероятно могут быть использованы в качестве отдельных процедур методики социокультурного исследования права.

Так М. А. Супатаев видит очень перспективным проведение кросс-культурных (межцивилизационных) исследований в связи с социокультурным подходом к познанию права [3]. Это отсылает, прежде всего, к компаративистике, т.е. сравнительному правоведению. Помимо того, что сравнение есть достаточно действенный способ, используя который можно различить явления, обнаружить их характерные признаки, отличающие одно от другого, сравнение даёт возможность понять какие «очки правового восприятия» носим мы сами, т.е. внимание к инаковости открывает что-то про нас самих. Эти «очки» так или иначе связаны с социокультурным уровнем. Интерпретации права, отношение к справедливости, свободе и равенству, специфические правовые ценности, их значимость для этой среды, становятся более очевидна при столкновении с иной правовой культурой.

В качестве отдельных приёмов такого исследования могут выступать сравнение законодательства, правоприменительной практики, политико-правовой мысли (что очень важно, поскольку отражает стиль мышления), полевые работы, направленные на изучение правосознания различных групп и т.д. Всё, что попадает под предмет общей теории права подлежит сравнению и сопоставлению для выявления уникальностей, случайностей и универсальностей.

Безусловно, что кросс-культурные исследования, как никакие другие, требуют доработки общетеоретических положений социокультурного подхода. Поскольку исследователю должно быть ясно на что «смотреть». Т.е. первичный теоретический образ социокультурных факторов, безусловно, должен быть. Дальнейшее же исследование позволит уточнить как теоретический конструкт, так способы его использования.

Другим элементом (способом) методики социокультурного исследования права может являться эмпирическая проверка и сопоставление теоретических выкладок прошлого с современность. Например, описывая особенности отношения к праву собственности русского народа С.Л. Франк утверждал, что «право частной собственности не имеет непосредственного морального основания в конечном счете потому, что *никакое вообще человеческое право* (в субъективном смысле) не имеет первичной, имманентной силы. Смысл человеческой жизни не может заключаться в эгоизме, в отъединении от других, в защите своих личных интересов, оно заключается только *в служении Богу и*

людям» [2, с. 312]. Следует проверить является ли данная характеристика актуальной сейчас, выступает ли она действительно устойчивой составляющей нашего права и правовой реальности.

Подобных утверждений можно найти очень много, обратившись к отечественной политико-правовой мысли. Так вся дискуссия между западниками и славянофилами (либералы и консерваторы) в части утверждений, касающихся правосознания русского народа, его правовых нравов, доминант политико-правового развития и т.д. должна быть подвергнута подобному сопоставлению. Представляется, что такого рода сопоставление должны пройти работы А. С. Хомякова, Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелина, М. В. Шахматова, Н. Н. Алексеева, И. А. Ильина, М. А. Бакунина и других мыслителей.

Иначе если этих явлений нет сейчас, то, вероятно, они теряют свой социокультурный статус и в этой части социокультурная общность изменилась и приобрела иные характеристики. Ссылки же на те или иные качественные политико-правовые характеристики русского и других народов в современном споре между теми же направлениями мысли теряет какое-либо научное значение. Конечно, это не исключает обращение к названным мыслителям в части поиска каких-либо методологических идей, проектов преобразований отечественного государственно-правового пространства, с целью обогащения исторической науки и т.д. Так же возможна обратная ситуация, когда характеристика отчётливо наблюдается сейчас, хоть и в изменённой форме, поскольку «социокультурное проживается и творится, творчески воспроизводится их поколения в поколение» [37, с. 182]. Таким образом, данная характеристика действительно будет устойчивым фактором, оказывающим существенное влияние на развитие и функционирование права.

В целом подобный способ познания социокультурной обусловленности права, на наш взгляд, поможет качественно уточнить свойство самой социокультурности, её изменяемости во времени, подверженности крупным социальным и политико-правовым трансформациям и т.д. Можно будет проследить как менялся образ права в мышлении представителей интеллектуальной среды, произошли ли кардинальные сдвиги в обыденном и доктринальном правосознании и т.д. Подобный способ поможет уточнить качественные характеристики правовой культуры, воспроизводящееся на разных этапах и оказывающей регулятивное воздействие на общий строй права, правоприменение, юридическую профессию и проч. аспекты правовой реальности.

Так же очень важной нам кажется социокультурная экспертиза правовых актов. Этот способ в рамках социокультурной методологии познания права может быть использован для обнаружения устойчивых нормативных конструкций, по смыслу повторяющих друг друга на разных этапах существования государства и законодательства.

В заключении следует отметить, что при разработке методики социокультурного правопознания нельзя не согласиться с А. Ю. Мамычевым, который отмечает следующее: «споры о самих архетипах (в понятие архетипа входят социокультурный основы – А. У) и проблемы их научного обоснования, эмпирической проверки являются дискуссионными. Попытки эмпирической интерпретации этого содержания приводят, как правило, к разным результатам, причём весьма противоречивым», поскольку «современный теоретико-методологический инструментарий не позволяет четко зафиксировать их проявление, значение и содержание» [1, с. 21-22]. Т.е. методика не должна быть абсолютизирована, поскольку такая методика ограничит сам метод социокультурного познания (а именно метод, а не методика отражает путь познания), поэтому она не может подменять его собой, а использоваться лишь в четком соответствии с ним.

Таким образом, возвращаясь к самому началу, следует отметить, что сейчас, исходя из работ, посвященных обсуждаемой тематике, более актуальной является теоретико-методологическая проблематика социокультурного подхода к праву, которая гораздо первостепенней и фундаментальней для правовой науки, чем конкретный алгоритм познания. Поэтому видится, что методическая составляющая в полной мере может быть развития только после завершения этого этапа уточнения методологии общей теории права. Однако это не исключает полностью попыток проработки методики социокультурного исследования права, и, более того, такие попытки представляются важными для корректировки общих установок социокультурного подхода.

Библиографический список

1. Мамычев А.Ю. Социокультурные (архетипические и ментальные) основания публично-властной организации общества: монография / А. Ю. Мамычев, В. Я. Любашиц, А. Ю. Мордовцев и др. – М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 187 с.
2. Русская философия собственности XVIII–XX вв.: сборник / сост. К. Исупов, И. Савкин. – СПб.: СП «Ганза», 1993. – 512 с.
3. Супатаев М.А. О постижении и познании правовых явлений. Становление цивилизационного подхода к праву / М. А. Супатаев // Труды института государства и права РАН № 1 (53) / глав. ред. академик РАН А . Г. Лисицына-Светланова. – М.: Изд-во ИГИП РАН, 2016. – С. 92-120.

СЕКЦИЯ 2. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК.01

Колесников В.В. О некоторых гарантиях по соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

About some guarantees on observance of the rights and freedom of the person and the citizen.

Колесников Василий Владимирович,
студент 3 курса,
факультет магистратуры и аспирантуры, Поволжский
институт управления
имени П.А. Столыпина.
Kolesnikov Vasilii Vladimirovich,
3-year student,
of the faculty of magistracy and postgraduate study,
Volga Regional institute of management.

Аннотация. Поиск оптимальных моделей взаимоотношений государства и личности всегда представлял собой сложнейшую проблему. Эти модели в решающей степени зависели от характера общества, типа собственности, демократии, развитости экономики, культуры и других объективных условий. Но во многом они определялись также властью, законами, правящими классами.

Ключевые слова: конституция, права, свобода, человек, гражданин, защита.

Abstract. the Search for optimal models of relationships between the state and the personality has always been a complex problem. These models depended on the nature of the society, the type of ownership, democracy, development of economy, culture and other objective conditions. But in many ways they also defined power laws, the ruling classes.

Keywords: Constitution, rights, freedom, person, citizen, protection.

Под гарантиями понимаются «правовые средства, обеспечивающие реализацию того или иного права человека и гражданина» [1, с.256]. Каждое право только тогда может быть реализовано, когда ему соответствует чья-то обязанность его обеспечить. Гарантии, в сущности, и есть обязанности, применительно к конституционным правам и свободам это обязанность государства.

Но наука конституционного права изучает преимущественно юридические гарантии, т.е. те, которые вытекают из конституции, законов и

других нормативных источников.

В Конституции РФ права и свободы закрепляются в разных формулировках. Некоторые права закреплены декларативно («каждый имеет право на жилище»), другие - как гарантия («гарантируется свобода массовой информации»), третьи - как объект охраны или защиты со стороны государства или закона («право частной собственности охраняется законом», «материнство и детство, семья находятся под защитой государства»). Различие формулировок не умаляет признания тех или иных прав граждан, поскольку Конституция имеет прямое действие, и само по себе закрепление того или иного права есть своеобразная его гарантия, во всяком случае невозможности его отрицания. Существуют права, которые закрепляются вместе с гарантией их обеспечения, например, право на свободу и личную неприкосновенность сопровождается гарантией от произвольного ареста (ст. 22) [2, с.6] .

Однако наряду с таким «попутным» решением проблемы гарантий прав Конституция содержит специальные статьи (ст. 45-54), устанавливающие гарантии реализации прав и свобод граждан. Эти гарантии могут быть условно разбиты на две группы: общие гарантии и гарантии правосудия.

Наиболее общей гарантией прав и свобод, имеющей наивысшую юридическую силу, является сам конституционный строй, основанный на неуклонном соблюдении Конституции, неотчуждаемом естественном праве и общепризнанных принципах и нормах международного права. Эта наивысшая гарантия трансформируется Конституцией РФ в систему определенных прав граждан и обязанностей государства по обеспечению прав и свобод, сформулированных в ст. 45, 46, 53, 55, 56, 60, 61.

Защита прав и свобод - обязанность государства. Конституция гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45). Это общее правило закрепляет обязанность государства различными правовыми средствами обеспечивать защиту личных прав и свобод человека и гражданина, осуществлять их регулирование. Полномочия законодательных органов по этим вопросам входят как в ведение Российской Федерации (регулирование и защита), так и в совместное ведение Федерации и ее субъектов (защита). Гарантом личных прав и свобод человека и гражданина выступает Президент России. Обязанность осуществлять меры по обеспечению прав и свобод входит в число полномочий Правительства РФ. Эта функция составляет главное назначение судебной системы. Следовательно, в гаран-

тировании прав и свобод участвует весь механизм государства, все органы государственной власти.

Самозащита прав и свобод. Наряду с обязанностью государства обеспечивать защиту личных прав и свобод человека и гражданина существует право человека и самому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Способы самозащиты многообразны: обжалование действий должностных лиц, обращение в средства массовой информации, использование правозащитных организаций и общественных объединений (профсоюзы и др.). Граждане имеют право защищать свои права с помощью оружия. Федеральный закон об оружии (в редакции от 29 июля 2017г.) предоставил гражданам возможность приобретения определенных видов оружия (охотничье оружие, газовые пистолеты и др.). Закон предусматривает право на приобретение и использование огнестрельного оружия для защиты жизни, здоровья и собственности в пределах необходимой обороны и крайней необходимости, но это право подвергнуто многим ограничениям (оружие не подлежит применению в отношении женщин, инвалидов, несовершеннолетних, кроме случаев совершения ими вооруженного или группового нападения) [3, с.22]. Обо всех случаях применения оружия, повлекших телесные повреждения, требуется сообщать в органы внутренних дел. Определенными условиями обставлено и право на приобретение оружия.

Судебная защита. Российская Конституция гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод (ст. 46). Такая защита наиболее эффективна и доступна каждому человеку, поскольку в суд могут быть обжалованы любые решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. Объектом обжалования могут быть законы, действия и указы Президента, постановления Правительства и т. д.) [4, с.4]. Суд, таким образом, осуществляет надзор за законностью в стране, обеспечивает приоритет прав и свобод граждан перед любыми акциями государства. Процедура обращения граждан в судебные органы регулируется Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (в редакции от 08 марта 2015г.).

Международная защита. Конституция РФ предоставляет каждому право обращаться с жалобой в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46). Это право обусловлено наличием соответствующих

международных договоров Российской Федерации и используется, если исчерпаны все имеющиеся, средства правовой защиты. Следовательно, жалоба может быть подана после отказа лицу во всех судебных инстанциях Российской Федерации.

Комитеты ООН. Жалоба подается в Комитет по правам человека, созданный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах. Присоединение России к факультативному протоколу этого Пакта создает условия для реализации каждым своего конституционного права на обращение в этот орган. Комитет принимает жалобы, если они не анонимны и не представляют собой злоупотребления правом на жалобу; он проверяет, не рассматривается ли вопрос в соответствии с другой процедурой международного разбирательства и исчерпало ли лицо все доступные внутренние средства правовой защиты.

Европейский Суд по правам человека. Другой формой международной защиты прав и свобод выступает Европейский Суд по правам человека, учрежденный в 1959 г. в соответствии с Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Суд состоит из такого числа судей, которое равно числу членов Совета Европы, он самостоятельно устанавливает свой регламент и правила процедуры. Юрисдикция Суда охватывает дела, связанные с толкованием и применением Конвенции, но лишь в отношении тех государств, которые признали ее для себя обязательной, т. е. и в отношении России. В состав Суда входит судья от Российской Федерации.

Указом Президента РФ от 29 марта 1998 г. учреждена должность Уполномоченного РФ при Европейском Суде (назначается Президентом РФ).

Возмещение вреда. Нарушение прав и свобод часто сопровождается причинением вреда человеку. Конституционная гарантия в таких случаях состоит не только в том, чтобы восстановить нарушенное право и обеспечить его реализацию, но и в возмещении причиненного человеку материального и морального вреда. Согласно ст. 53 Конституции «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц» [2, с.10].

Возмещение причиненного вреда регулируется гражданско-правовым законодательством и является гарантией, распространяющейся на любые нарушения прав и свобод. Отдельные виды ответственности за причиненный

вред закреплены в специальных законах - Федеральном законе о федеральной службе безопасности в Российской Федерации (в редакции от 18 июня 2017г.) и др. По действующему законодательству, например, возмещению, подлежит вред, причиненный человеку незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным осуждением, незаконным заключением под стражу или взятием подписки о невыезде, незаконным наложением административного взыскания в виде ареста или исправительных работ [5, с.16]. Материальную ответственность в этих случаях несут не непосредственно виновные должностные лица, а соответствующие органы государственной власти, которым затем возмещается ущерб этими должностными лицами. Размер возмещения причиненного вреда устанавливается судом, который также вправе определять возмещение (денежную компенсацию) морального вреда, причиненного человеку.

Неотменяемость прав и свобод. Человек может быть уверен в устойчивости своих личных прав и свобод человека и гражданина только тогда, когда законодательные органы государства лишены права принимать законы, отменяющие или умаляющие эти права и свободы. В этом смысл ч. 2 ст. 55 Конституции: она устанавливает, что в Российской Федерации законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина, не должны издаваться. Данная норма гарантирует незыблемость прав и свобод, она служит постоянным напоминанием органам законодательной власти о том, что отмена, пересмотр или любое снижение уровня гарантий тех или иных прав и свобод требует созыва Конституционного Собрания.

Возраст. Конституцией РФ установлено, что российский гражданин может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет. Ключевыми словами в этой норме являются слова «самостоятельно» и «в полном объеме», поскольку граждане имеют конституционные права и в более раннем возрасте, реализуя их через законных представителей.

Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 24) закрепляет за каждым ребенком право на меры защиты, на немедленную регистрацию после рождения и на имя [6, с.12]. Этих норм нет в Конституции России, но, они могут быть приравнены к конституционным нормам.

Законодательство устанавливает ряд прав несовершеннолетних. Например, в гражданском праве за детьми закреплены права собственности, наследования и др., а также частичная дееспособность несовершеннолетних в

возрасте от 15 до 18 лет. В трудовом праве признается право на труд с 16 лет (для учащихся - с 14 лет). Однако в полном объеме граждане наделяются правами и свободами только с 18 лет (полная дееспособность), и никто не вправе ограничивать их действия по причине молодости. С этого возраста граждане осуществляют свои права и обязанности самостоятельно.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право РФ//Учебник для вузов. – М., 2001.- №1- С.256.
2. Конституция Российской Федерации с изменениями на 2017 год. – М., 2017.-№ 2- С.6.
3. Об оружии//Федеральный закон от 13 декабря 1996г. (с измен. на 29.07.2017г.), (ред., действующая с 01.10.2017г.)//ФЗ-150. - М., 2017.- №3- С.22.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г./ФЗ-22. – М., 2015.- №4- С.4.
5. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03 апреля 1995г. (с измен. на 18.06.2017г.), (ред., действующая с 28.06.2017г.)//ФЗ-40. - М., 2017.-№5-С.16.
6. Международный пакт о гражданских и политических правах. - Нью-Йорк., 1966.-№ 6-С.12.

СЕКЦИЯ 3. УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

**Афашагов А. М., Зеушева З. Х. Информационный терроризм:
пределы криминализации**

Information terrorism: the limits of criminalization

Афашагов Адмир Мухадинович

магистр Институт права, экономики и
финансов Кабардино-Балкарского
государственного университета

Зеушева Зарина Хасанбиевна

магистр Институт права, экономики и
финансов Кабардино-Балкарского
государственного университета

Afashagov Admir Mukhadinovich
Master of Law, Economics and
Finance of Kabardino-Balkaria
State University

Zeusheva Zarina Khasanbievna
Master of Law, Economics and
Finance of Kabardino-Balkaria
State University

Аннотация. В статье исследуются вопросы принципиального разграничения психологического воздействия как одного из способов осуществления акта терроризма и единственной составляющей объективной стороны преступления, предусматривающего ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Ключевые слова: терроризм, заведомо ложное сообщение, психологическое воздействие.

Abstract. The article explores the issues of the principle delimitation of psychological impact as one of the ways to implement the act of terrorism and the only component of the objective side of the crime that provides for the responsibility for a knowingly false report about an act of terrorism.

Keywords: terrorism, knowingly false message, psychological impact.

При отсутствии прямого законодательного запрета категория, включающая в себя несанкционированные вторжения в сферу частных и публичных интересов посредством устрашающего информирования о реальном или потенциально возможном совершении общепасного деяния, идентифицирует все случаи нарушения общественной безопасности, сопряженные с намеренным устрашением.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма, предусмотренное ст. 207 РФ и угроза действиями, преследуемыми в порядке ст. 205 УК РФ, вызывают

идентичный информационно-коммуникативный эффект, обуславливающий коллапс социально-полезной деятельности на более или менее долгосрочный период либо всего общества, либо соответствующей социальной группы, осведомленной о наличной или подразумеваемой опасности.

Устрашающий потенциал сообщения о готовящихся общепасных действиях, истинность которого может быть опровергнута лишь в результате проведения необходимых оперативных и следственных мероприятий, достаточен для парализации общественно-полезной деятельности, позволяя тем самым виновному реализовать свои преступные потребности.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма представляет собой намеренное устрашение лиц, либо по роду своей служебной деятельности обязанных его принять и разрешить, либо вынужденных в силу сложившейся ситуации предпринимать усилия по предотвращению возможной опасности. Вместе с тем, запугивание - неотъемлемый компонент деятельности террористической угрозы, преследуемой в порядке ст. 205 УК РФ, и, следовательно, оно не может, на наш взгляд, претендовать на исключительность при характеристике преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ.

Очевидная неиссякаемость способов неправомерного вторжения в психическую неприкосновенность личности демонстрирует значимость иных, в том числе обмана, злоупотребления доверием,¹ деяний, ограничивающих свободу волеизъявления потерпевшего. Вместе с тем, пределы теоретических подходов, определяющих соотношение угрозы и прочих способов, нацеленных на воздействие на психику человека, получивших, в трудах подавляющего большинства правоведов обобщающее наименование - психическое насилие, - представлен диаметрально противоположными теориями, в рамках одной из которых, угроза - разновидность психического насилия,² другой, - напротив, охватывает его как более широкое по объему понятие. Представляется, что ограничение содержания столь сложного правового феномена как психическое насилие исключительно угрозой совершения противоправных действий выводит из-под юрисдикции уголовного закона иные виды противоправного воздействия на психику потерпевшего, «вызывающие у него эмоции страха или гипнотическое состояние, что подавляет его волю или ограничивает способность к

¹ Панов Н.И. Способ совершения преступлений и уголовная ответственность. - Харьков: Изд-во при Харьковском ун-те, 1982. С. 10-16.

² Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие. - М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. С. 31

свободному самовыражению».³

И, наоборот, разрешение обозначенной дилеммы в пользу первого из представленных вариантов предопределяет и решение практически значимого вопроса о разграничении террористического акта, выполненного в форме угрозы совершения общеопасных действий, и заведомо ложного сообщения об акте терроризма, идентификация которых затруднена ввиду идентичности объективизации вонне преступного намерения. Таким образом, угрозе, преследуемой в порядке ст. 205 УК РФ, противопоставляется заведомо ложное сообщение, целенаправленного вводящее в заблуждение о подготавливаемом акте терроризма, но не ставящее в качестве условия, пресекающего уголовно наказуемое посягательство, ответное выполнение адресатом ожидаемых действий. Юридически значимое единство заведомо ложного сообщения и угрозы, запрещенной ст. 205 УК РФ, состоит в избранном виновным механизме неправомерного воздействия на адресата, а именно «общественно опасном поведении, которое направлено на передачу соответствующей информации другим лицам и выражается в словесной (вербальной) форме, а также в форме различных действий (конклюдентного характера)».⁴ Принципиальное же различие уголовно наказуемых деликтов, преследуемых в порядке статей 205 и 207 УК РФ, усматривается, в том числе, в избираемом виновным виде информационного воздействия, совокупности признаков, его характеризующих, достаточных для уголовного вменения.

Террористическому акту, выполненному в форме угрозы, свойственны такие характеристики как конкретика в части отображения вреда, возможностью причинения которого угрожают потерпевшему; целенаправленность на психическую неприкосновенность личности; запугивание как обязательная составляющая подавления сопротивления; убежденность адресата в осуществимости. Наконец, реализация угрозы возможна только в информационной форме, стимулирующей на определенную деятельность и состоящей в «передаче в вербальной или конклюдентной форме

³ Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / Т. 2: Особенная часть / отв. ред. и рук. авт. коллектива А.И. Игнатов, Ю.А. Красиков. - М. Норма: ИНФРА-М, 1998. С. 99; Иванцова Н.В. Проблемы отражения и оценки общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики) / науч. ред. Ф.Р. Сундуров. - Казань, 2004. С. 100

⁴ Гребенкин Б.Ф. Указ. соч. С. 23.

сведений другому человеку и в восприятии последним этих сведений»,⁵ в отличие от психического насилия, или, по терминологии противников указанного правопонимания, психического принуждения, реализуемого, в том числе, и внеинформационным путем⁶. Таким образом, угрозе, преследуемой в порядке ст. 205 УК РФ, призванной долговременно или краткосрочно парализовать правомерную деятельность управомоченных субъектов, на наш взгляд, в целом свойственны признаки, присущие любому насильственному посягательству, но скорректированные с учетом специфики психического воздействия. А именно: противоправный и умышленный характер, направленность на психическую неприкосновенность личности, игнорирование волеизъявления потерпевшего, опасность причинения социально вредных последствий.

Итак, неправомерное воздействие на объект терроризирования может быть реализовано не только непосредственным применением физического насилия или уничтожением (повреждением) материальных ценностей, но и демонстрацией намерения совершить указанные действия. Объективно угроза может выражаться вове различных способами, детерминируемыми множеством разнообразных факторов, в том числе субъективного свойства, оптимальное сочетание которых, экономичность, безопасность и потенциальная результативность применения обуславливают конкретный способ оповещения.

Из обширного спектра «информационных способов совершения преступления: письменной речи; документов, устной речи и звукового сопровождения человеческих действий; мимики, жестов, телодвижений, - наибольшей результативностью обладают именно речевые формы информационного терроризма. Частота использования устного выражения угрозы совершения общеопасных действий обусловлена ее значительным устрашающим потенциалом, определяемым не только фактическим содержанием сообщаемых сведений, но и дополнительной информацией, завуалированной в интонации, подтексте. Кроме того, устное общение позволяет угрожающему своевременно корректировать интенсивность

⁵ Иванцова Н.В. Проблемы отражения и оценки общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики). С. 123

⁶ См. напр.: Залиханова Л. И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 215, 225.

воздействия и использовать наиболее востребованные в конкретной ситуации формы волеутверждения, оптимально содействующие достижению целей терроризирования.

Нарастающие темпы информационного обмена, повышающийся уровень технической оснащенности актуализируют использование письменной формы сообщения о намерении совершить действия террористического характера, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных сопоставимых по тяжести последствий. Письменная угроза лишена ряда указанных выше свойств, присущих устному сообщению, облегчающих и ускоряющих процесс формирования у потерпевшего убеждения в ее реальной осуществимости, к тому же отсрочена во времени возможного исполнения, распространенность письменного информирования весьма велика. Представляется, что современные возможности фиксации и передачи информации с использованием новейших средств связи, в том числе факсимильной, электронной, а также применение записывающих и воспроизводящих устройств, наглядно демонстрирующих так называемые «видимые интонации»,⁷ в обозримом будущем обеспечат превалирование именно письменных угроз совершения террористических актов.

Трудности процессуально допустимого доказывания наличия обстоятельств, свидетельствующих о реалистичности угрозы, преследуемой в порядке ст. 205 УК РФ, подлежат разрешению уголовно-процессуальными средствами, а не криминализацией поведения, не отвечающего требованиям уголовной противоправности и опасности. При намеренном введении в заблуждение адресата о подготавливаемом акте терроризма ст. 207 УК РФ, напротив, вменяется при мнимой опасности, существующей лишь в воображении дезинформируемого, в отсутствие подлинных оснований опасаться приведения сообщения в исполнение.

Чрезвычайная общественная опасность угрозы совершения действий, устрашающих население, не устраняет академические споры об оправданности совмещения в одной ст. 205 УК РФ двух самостоятельных составов, не

⁷ Объединяющие, по замечанию Фомичевой М.А., «мимику лица и пантомимику, ... выразительные движения говорящего человека». - См.: Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления (основания криминализации, виды и характеристика). С. 43, 67

сопоставимых, по нашему мнению, по степени своей социальной вредности.⁸ Преодоление обозначенной проблемы представлено в полярных позициях современной теории уголовного права. Так, в качестве одного из вариантов рассматривается усложнение конструкции ст. 207 УК РФ путем ее дополнения второй частью, предусматривающей ответственность за угрозу общеопасными действиями в качестве самостоятельного противоправного посягательства, наказуемого лишением свободы сроком до пяти лет,⁹ с сопутствующим изменением наименования уголовно-правовой нормы. Во устранение неизбежных при такой редакции ст. 207 Кодекса трудностей разграничения смежных деликтов предлагается изъять угрозу из диспозиции основного состава ст. 205 УК РФ, воспроизведя ее либо в отдельной части этой же нормы, либо в самостоятельной статье с пропорциональным уменьшением - до пяти лет.

Оптимальной законодательной конструкцией, на наш взгляд, может стать усложнение ст. 205 Кодекса новой редакцией части 1, изымающей из-под ее юрисдикции фактическое совершение общеопасных действий, но санкционирующей уголовное преследование угрозы ими, с одновременным переводом ныне запрещенных действий, устрашающих население, в часть вторую данной статьи. Предложенные преобразования уголовно-правового запрета, устраняющие необходимость списочного перечисления обстоятельств, отягчающих ответственность за угрозу с нормативного материала, обеспечат, по нашему мнению, преемственность законодательного обеспечения эффективной борьбы с противоправными вторжениями в психическую неприкосновенность, а также противодействия терроризму в целом.

Библиографический список

1. Панов Н.И. Способ совершения преступлений и уголовная ответственность. - Харьков: Изд-во при Харьковском ун-те, 1982. С. 10-16.
2. Иванова В.В. Преступное насилие: учебное пособие. - М.: ЮИ МВД РФ, Книжный мир, 2002. С. 31
3. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / Т. 2: Особенная часть / отв. ред. и рук. авт. коллектива А.И. Игнатов, Ю.А. Красиков. - М. Норма:

⁸ Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России. Дисс. ... к.ю.н.. - М., 2004. С. 93.

⁹ Мальцев В.В. Терроризм: проблемы уголовно-правового регулирования // Государство и право. - 1998. -

№

8. С. 107

ИНФРА-М, 1998. С. 99; Иванцова Н.В. Проблемы отражения и оценки общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики) / науч. ред. Ф.Р. Сундугов. - Казань, 2004. С. 100

4. Иванцова Н.В. Проблемы отражения и оценки общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики). С. 123

5. Залиханова Л. И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты. – М.: Юрлитинформ, 2014. С. 215, 225.

6. Фомичева М.А. Угроза как способ совершения преступления (основания криминализации, виды и характеристика). С. 43, 67

7. Лукьянова И.В. Угроза как преступление в уголовном праве России. Д.к.ю.н. - М., 2004. С. 93.

8. Мальцев В.В. Терроризм: проблемы уголовно-правового регулирования // Государство и право. - 1998. - № 8. С. 107

УДК 343

Вовк Е.В. Проблема формирования антикоррупционной культуры общества

The problem of formation of anti-corruption culture

Вовк Екатерина Владимировна

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

Федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования

«Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Ялта
viza_1986@ukr.net

Vovk Ekaterina Vladimirovna

Academy of the Humanities and Pedagogics (branch)

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы формирования антикоррупционной культуры общества. В исследовании обоснована необходимость формирования антикоррупционной культуры отечественного социума как важнейшего средства построения правового мышления граждан и сохранения конституционного строя государства. В работе проведен анализ понятий «антикоррупционная культура личности» и «антикоррупционная культура общества», рассмотрены основные направления и механизмы формирования антикоррупционной культуры общества.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика государства, антикоррупционная культура, современное общество, антикоррупционное сознание, антикоррупционное поведение.

Abstract. The article studies the problems of forming anti-corruption culture. The study substantiates the necessity of forming anti-corruption culture of the domestic society as an important means of building the rule of thinking of citizens and the preservation of the constitutional order of the state. In the work the analysis of the concepts of "anti-corruption culture of personality" and "anti-corruption culture", the main directions and mechanisms of formation of anti-corruption culture.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, anti-corruption culture, modern society, the consciousness of anti-corruption, anti-corruption behavior.

На современном этапе развития мирового социума коррупция является одной из наиболее актуальных социально-правовых проблем. По мнению В.П. Соломина, «коррупция была и еще остается сегодня одним из главных препятствий на пути осуществления социально-экономических реформ. Следовательно, ее можно назвать одной из причин современного экономического, политического, социального и духовно-нравственного глобального кризиса, охватившего все страны и континенты. Борьба с коррупцией сегодня стала объектом международной координации» [3, с. 110].

В рамках анализа тенденций развития отечественного социума можем говорить, что сегодня коррупция выступает тем фактором, который

представляет реальную угрозу национальной безопасности и конституционному строю государства. В этой связи с учетом современных условий развития общества и анализа его тенденций разрабатывается и внедряется государственная антикоррупционная политика.

По определению В.П. Санатина, «антикоррупционная политика представляет собой совокупность правовых, организационных, политико-идеологических, социально-психологических отношений, связанных с реализацией принципа законности и правопорядка в сфере предоставления государственных услуг гражданам и юридическим лицам» [2, с.124].

Анализ сущности и содержания развития государственной антикоррупционной политики на современном этапе позволяет выделить ряд деятельностных направлений и механизмов, цель которых заключается в снижении коррумпированности отечественного социума. Прежде всего, к указанным направлениям и механизмам стоит отнести:

- совершенствование правовой сферы;
- регулирование экономических отношений;
- внедрение мероприятий по наказанию виновных в совершении коррупционных деяний.

Однако, анализируя опыт реализации антикоррупционных мероприятий, можно говорить о низком уровне эффективности указанных средств, поскольку в рамках отечественного социального пространства оказывают влияние такие значимые факторы, как культура и менталитет общества, традиции делопроизводства в органах государственной власти и правоохранительных органах и т.п. В этой связи на современном этапе развития антикоррупционной политики целесообразно говорить о необходимости разработки методов, форм и средств формирования и повышения уровня антикоррупционной культуры общества.

Иными словами, при реализации путей предотвращения и противодействия коррупции сегодня важной задачей является формирование антикоррупционной культуры общества.

Антикоррупционная культура представляет собой «определенные ценностные установки и способности, направленные на проявление активной гражданской позиции относительно коррупции» [1].

По мнению В.П. Соломина, антикоррупционная культура общества образовывается путем формирования соответствующей культуры его представителей, то есть – антикоррупционной культуры личности гражданина.

Согласно определению указанного исследователя, антикоррупционная культура гражданина – это личностное качество, «включающее знания о пагубности коррупции для благосостояния и безопасности общества; это состояние индивида, который не просто не желает мириться с проявлениями коррупции, а стремится к устранению этого» [3, с. 114].

Антикоррупционная культура общества, по мнению В.П. Соломина, отражает гражданскую активность каждого человека и содействует реализации прав, безопасности и правовой защиты населения [3].

Повышение уровня антикоррупционной культуры общества достигается путем формирования антикоррупционной сознательности граждан и усиления их антикоррупционной мотивации. Данная цель может реализовываться путем внедрения ряда мер, в частности:

- осуществления комплекса мероприятий учебного, воспитательного и информационного характера, направленных на разъяснение представителям общества сущности и опасности коррупции, а также ее всех негативных последствий;
- распространения среди граждан идеи нетерпимости к проявлениям коррупции;
- формирования высокого уровня антикоррупционного правосознания граждан посредством обоснования преимуществ законопослушного поведения.

В данном комплексе механизмов формирования антикоррупционного сознания граждан отечественного социума и на его основе – антикоррупционной культуры общества выделим ряд общих направлений.

Одним из основных направлений антикоррупционной политики и путей повышения уровня антикоррупционной культуры является формирование у граждан четкого понимания сущности коррупции, в частности, основных характеристик и различных аспектов данного явления, типовых форм коррупционных проявлений и коррупционных ситуаций. Иными словами, до тех пор, пока у граждан не выработано четких представлений о коррупции, общественное противодействие ей является невозможным.

Важным компонентом системы средств формирования антикоррупционной культуры общества является обоснование и донесение до его представителей истинного значения коррупции, уровня угрозы ее негативных последствий для каждого гражданина в частности и для общества и государства в целом.

Одним из направлений формирования антикоррупционной культуры общества является подробное публичное освещение деятельности государства относительно предотвращения и противодействия коррупции. Обеспечение осведомленности граждан о содержании антикоррупционной политики и деятельности государства должно базироваться на информации, включающей:

- основные положения антикоррупционного законодательства;
- основы соответствующей государственной политики и содержание государственных программ, требующих общественной поддержки;
- цели, содержание и назначение реализуемых антикоррупционных мероприятий.

Ведущим направлением формирования антикоррупционной культуры является разработка и реализация системы антикоррупционного образования. По мнению А.Р. Хамдеева, «антикоррупционное образование и воспитание согласно современным представлениям российских ученых, педагогов, юристов является одним из основных средств противодействию коррупции в Российской Федерации» [4, с. 190].

Система антикоррупционного образования нацелена на распространение среди различных слоев населения идей нетерпимости к проявлениям коррупции, доведение преимуществ правомерного поведения, от которого зависит благосостояние каждого гражданина.

Антикоррупционное образование общества должно осуществляться путем реализации информационных и учебных мер специфического содержания для определенных целевых аудиторий: госслужащих, депутатов, представителей малого бизнеса, журналистов и работников СМИ, обучающихся школ и студентов, работников образования, здравоохранения и других отраслей. Реализация указанных форм образования будет способствовать формированию антикоррупционной культуры конкретных социальных групп.

Наряду с реализацией антикоррупционного образования важным направлением повышения уровня антикоррупционной культуры населения является работа по формированию у граждан компонентов общей личностной культуры и системы морально-нравственных ценностных ориентаций.

В завершение следует добавить, что повышению мотивации граждан к антикоррупционному поведению, основанному на высоком уровне антикоррупционного сознания, будет способствовать реальное исполнение на местах указанных выше направлений современной государственной политики,

направленной на формирование антикоррупционной культуры каждого гражданина и общества в целом.

Библиографический список

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации // <http://news.kremlin.ru/news/17631/print> 115
2. Санатин В.П. Проблемы формирования антикоррупционного сознания и правовой культуры населения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 4. – С. 124-126.
3. Соломин В. П. Формирование антикоррупционной культуры как фактор воспитания нетерпимости к коррупции в гражданском обществе // Universum: Вестник Герценовского университета. – 2013. – №. – С. 110-116.
4. Хамдеев А.Р. Особенности к вопросу о формировании антикоррупционной культуры обучающихся // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2012. – № 2. – С. 189-193.

УДК: 343.32

Залиханова Л. И., Зеушева З.Х., Афашагов А. М. Несообщение о преступлении

Failure to report a crime

Залиханова Лейла Ибрагимовна,

к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета

Зеушева Зарина Хасанбиевна

магистр Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета

Афашагов Адмир Мухадинович

магистр Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета

Zalyhanova Leyla Ibragimovna

candidate of law, associate Professor, Department of criminal law and criminology Institute of law,

Economics and of Finance of Kabardino-Balkaria state University

Zeusheva Zarina Khasanbievna

Master of Law, Economics and Finance of Kabardino-Balkaria

State University

Afashagov Admir Mukhadinovich

Master of Law, Economics and Finance of Kabardino-Balkaria

State University

Анотация. В статье раскрываются понятия «недонесение» и «укрывательство» преступлений через призму правового анализа состава преступления, предусмотренного ст.205.6 УК РФ.

Ключевые слова: недонесительство, терроризм, несообщение, укрывательство, прикосновенность.

Abstract. The article reveals the concepts of «failure to report» and «concealment» of the crimes through the prism of the legal analysis of the crime provided by Art. 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: non-information, terrorism, non-disclosure, concealment, concern.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной

безопасности» была криминализована такая форма прикосновенности к преступлению как недоносительство [1].

Недоносительство - это несообщение органам государства о достоверно известном подготавливаемом, совершаемом, или уже совершенном преступлении выраженное в форме бездействия. Несмотря на то, что название статьи 205.6 звучит как «несообщение о преступлении» [2], содержание статьи намного глубже. В уголовном законодательстве РСФСР был закреплён данный состав преступления (ст.190- недонесение о преступлениях) [3]. Авторы законопроекта посчитали, видимо, что слово «недоносительство» с учетом истории отечественного правоприменения будет иметь негативные ассоциации, и заменили его на «несообщение». Если провести сравнительный анализ между интерпретациями статьей о недоносительстве в уголовном кодексе РФ и РСФСР, то можно прийти к выводу, что согласно действующей норме УК РФ уголовно наказуемо несообщение как о преступлении, так и о конкретном лице, которое готовит, совершает либо совершило преступление террористического характера. Такой же подход был определен и в УК РСФСР.

Если провести сравнительный анализ между интерпретациями статьей о недоносительстве в уголовном кодексе РФ и РСФСР, наглядным представляется не тождественность подходов к определению уголовно наказуемой формы недонесение. А именно, согласно действующей норме УК РФ уголовно наказуемо несообщение только о конкретном лице, которое готовит, совершает либо совершило преступление террористического характера, но не о факте готовящихся или совершенных преступлениях как это было в кодексе РСФСР. Получается, что при достоверном знании о готовящемся преступлении или совершенном преступлении гражданин не обязан сообщать об этом в правоохранительные органы, так как ему не известен конкретный виновник преступления. В такие случаи действия гражданина не будут охватываться ст. 205.6 УК РФ [4].

Признак «несообщение», как преступное бездействие, нуждается в особом рассмотрении. Следует сказать, что несообщение о преступлении имеет место лишь в том случае, когда виновное лицо должно было, и имело возможность предпринять определенные действия по сообщению о преступлении террористического характера в соответствующие органы власти. Если лицо не имело объективной возможности предоставить эти сведения в органы из-за отсутствия технической возможности, беспомощного состояния, либо других обстоятельств, то, полагаем, что обязанность уголовно-правовой

ответственности для этого лица должна исключаться. К тому же гражданин не обязан знать все органы, которые компетентны рассматривать сообщения о преступлениях, если сообщение было предъявлено гражданином в другие органы исполнительной власти, это тоже должно исключать виновность лица, так им были предприняты все зависящие от него меры для сообщения информации о преступнике [4].

В силу примечания к статье не являются субъектами преступления супруги или близкие родственники лица, готовящего или совершившего соответствующее преступление[2]. Не могут также рассматриваться как субъекты данного состава преступления священнослужители в случае сообщения им о преступлении на исповеди (п. 7 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997г. №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») и адвокаты, если соответствующие обстоятельства стали им известны в связи с обращением за юридической помощью или в связи с ее оказанием (п. 2 ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Преступность деяния также может устраняться действием ст.40 «Физическое или психическое принуждение» [5].

Согласно ч.2 ст.20 УК РФ (в ред. ФЗ от 06.07.2016 № 375-ФЗ) возраст уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного данной статьей понижен до 14 лет [1]. Позволим себе не согласиться со столь категоричной позицией законодателя. Виновным в совершении данного преступления может признаваться только лицо способное адекватно воспринимать и объективно оценивать характер и степень важности ставших известными ему сведений о преступлении или лице его совершившем. В связи с этим полагаем, что лицо, достигшее 14-летнего возраста, не может быть субъектом данного преступления, так как он не способен осознавать в полной мере характер ставших известными ему сведений и давать им объективную оценку. Полагаем, что в этом случае вопрос должен решаться, так же как и в случае с составами, совершение которых и стало предметом недоносительства. В диспозиции статьи указаны составы за 9 из которых возраст уголовной ответственности действительно совпадает с возрастом 14 лет. Однако 7 составов, такие как ст. 205.1 «Содействие террористической деятельности», ст.205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма», ст. 211 «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного

состава», ст.220 «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами», ст.221 «Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ» ст.278 «Насильственный захват власти или неестественное удержание власти», ст. 279 «Вооруженный мятеж» - устанавливают возраст уголовной ответственности с 16 лет [1]. Нисколько не оспаривая позицию законодателя, позволим себе усомниться в том, что молодой человек четырнадцатилетнего возраста способен осознавать, что ему стала достоверно известной информация о преступлении или лице совершившем преступление, например связанное с незаконным обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220) или с насильственным захватом власти или с насильственным удержанием власти (ст. 278) [1]. Нам представляется навязчиво наглядной непоследовательность и противоречивость того факта, что исполнитель преступления подлежит ответственности только с 16 лет, а вот рецепция данного преступления возможно с 14 лет. Полагаем, что такой подход не учитывает особенностей определения субъекта преступления. Установив пониженный возраст уголовной ответственности, безосновательно полагать полное понимание лицом наличия его причастности к преступлению, за которое изначально ответственность только с 16 лет. В этой связи, нам представляется настоячиво необходимым внести соответствующие изменения в УК РФ с целью повышение возраста уголовной ответственности до критериев общего субъекта.

Данное преступление может быть совершено только с прямым умыслом, так как лицо осознает, что обладает сведениями о преступлении, о преступнике, который готовит, совершает или совершило одно из перечисленных в диспозиции ст. 205.6 УК РФ деяния и желает скрыть эти сведения путем несообщения о них. Так как состав сконструирован по формальному алгоритму, предвидение возможности или неизбежности наступление общественно опасных последствий находится за рамками квалификации.

Продолжая анализ статьи, полагаем, что следует акцентировать внимание на признаке достоверности ставших известными ему сведений. Данный признак следует рассматривать через призму субъективного восприятия лица при объективно существующей информации. Представляется наиболее приемлемым давно устоявшейся позицией относительно того, что само по себе соответствие сведений, которыми располагает субъект, фактам объективной действительности, но при отсутствии у него твердой уверенности в их истинности, исключает наличие умысла в его действиях, и, следовательно, не

влечет уголовной ответственности [6]. С целью исключения объективного вменения, полагаем, что заведомо виновное лицо не должно отвечать за несообщение вне зависимости от того было ли оно уверено в достоверности и правдивости ставшей известной ему информации или нет. Достоверность информации - оценочный признак, и должен рассматриваться через призму источников, из которых она стала известна. В свое время в литературе отмечалось, что при решении вопроса о достоверности необходимо руководствоваться объективным критерием, брать за основу доброкачественность источников осведомления, а не объем и характер самого осведомления [7]. Невозможно признать достоверными сведения от посторонних лиц, не имеющих никакого отношения к совершаемому преступлению, или определенные предположения.

Несообщение о преступлении имеет схожие признаки с заранее не обещанным укрывательством преступления. Оно так же является одним из проявлений прикосновенности к преступлению. В связи с этим, при криминализации несообщения о преступлении очевидно возникновение проблем при разграничении данных составов. Поскольку в советском уголовном кодексе предусматривалась ответственность за несообщение о преступлении, то полагаем возможным применение опыта советских ученых при рассмотрении проблем квалификации данных составов и отграничение их друг от друга.

Уголовная ответственность за укрывательство преступлений предусмотрена ст. 316 УК РФ. По действующему законодательству наказуемым является укрывательство только особо тяжких преступлений. УК РФ не раскрывает понятие «укрывательство». В законе закреплена простая диспозиция. В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой укрывательство раскрывается как «умышленное сокрытие преступника, орудий преступления или преступно добытых предметов» [8]. Укрывательство является преступлением, совершаемым действием, независимо от его конкретного проявления – в виде физических актов или интеллектуальной помощи преступнику в уклонении от уголовного преследования. Возможны ситуации перерастания интеллектуального укрывательства в физическое или их одновременное присутствие в деянии одного лица, поэтому данная классификация для квалификации в целом безразлична и не нуждается в законодательном закреплении.

В советском уголовном праве было закреплено положение о том, что укрыватель преступления не несет ответственности за несообщение о преступлении, которое он, заранее не обещая, укрывает. Согласно правилам квалификации преступлений, при конкуренции части и целого несообщение о преступлении поглощается укрывательством преступления, поскольку оно является его частью. Указанное положение нашло отражение в советской судебной практике. Так, согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» недонесение о преступлении со стороны лица, которое является виновным в заранее не обещанном укрывательстве преступления, не требует дополнительной квалификации по статьям о недонесении, поскольку недонесение в этих случаях является частью более тяжкого преступления и охватывается статьями, предусматривающими ответственность за указанные преступления [9]. Такой подход применяют суды некоторых государств - бывших республик СССР.

Необходимо сделать акцент еще на ином не маловажном аспекте, политике противодействия терроризму, однако в современных российских реалиях, прежде чем несообщение о преступлении станет общественным долгом каждого гражданина Российской Федерации, как и любое демократическое государство, российское государство обязано предоставить своим гражданам и дополнительные гарантии. Речь идет о праве граждан на защиту от лиц, подвергнувшись разоблачение после доноса. Несмотря на то, что в России принят Федеральный закон от 20 августа 2004 г. №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [10] нельзя сказать, что все положения закона реализованы и действуют в полной мере, так как со стороны государства это требует огромных материальных затрат. Позволим себе предположить, что, выбирая между риском мести со стороны разоблаченных и возможностью самому быть привлеченным к уголовной ответственности, большинство жителей России скорее все же не сообщат о преступлении. Так же ожиданиям законодателя о мощном предупредительном потенциале данной статьи не суждено сбыться по ряду политических и социально-нравственных причин. По поводу политических причин несообщения о преступлении следует сказать, что на латентность преступлений оказывает воздействие высокая коррумпированность значительной части сотрудников правоохранительных

органов, где наряду с легальной властью утверждается криминальная [11]. Подобное состояние общества, разумеется, самым непосредственным образом отражается на гражданской позиции рядового обывателя, который в условиях широко распространенной коррупции еще острее чувствует свою беззащитность и вынужден избрать нормой поведения пассивную гражданскую позицию. А некоторые из них рассматривают свой отказ от сотрудничества с правоохранительными органами как форму социального протеста, противостояния с институтами власти.

Нежелание отдельных граждан сообщать в правоохранительные органы о готовящемся или совершенном преступлении связано также с пережитками прошлого. Так, обычное право и местные обычаи долгое время были главными регуляторами межличностных отношений на Северном Кавказе. Согласно этим нормам для мужчин считается зазорным доносить на кого-либо, оказывать помощь правоохранительным органам в выявлении и раскрытии преступлений. Следовательно, представляется наглядным то, что уголовное преследование за недоноительство о преступлении обостряет противоречия между законом и принятыми среди жителей Кавказа нормами правовой культуры и спецификой родовых отношений. Новая статья стала очередным рычагом давления на кавказский менталитет. Что на наш взгляд является крайне недопустимым. Поскольку именно национальная ментальность стала непреодолимой силой для воинствующей террористической пропаганды и агитации, которая в недавнем прошлом широко распространялась на всей территории республики и привели к трагическим событиям 13 октября 2005 года в городе Нальчике. Именно этот фактор заставил организаторов нападения отказаться от постановки во главу акции представителей Чечни и иностранцев, пойти на чудовищные деяния по захвату школ, больниц и подобных объектов. Эти же факторы заставили дистанцироваться от идеи сепаратизма, национального самоограничения. И отсутствие национальной патриотической идеи позволило радикально-исламской, по существу, антироссийской пропаганде занять всю сферу духовных, идеологических отношений в общественной жизни.

Государственная политика, направленная на активную борьбу с террористическими проявлениями, заслуживает поддержки. Но не следует забывать том, что уголовное право является репрессивной отраслью права и нуждается в формальной определенности и согласованности, для соблюдения принципов законности и справедливости. Будучи одним из основополагающих

инструментов противодействия терроризму и экстремизму оно – уголовное право - должно быть заметно технически (юридически) «ювелирно» отточено, дабы не дать повод усомниться в законности, необходимости и достаточности, оправданности применения своих максимально суровых и жестких мер реагирования. Мы не можем себе позволить, осуществляя борьбу с крайними формами преступных проявлений, использовать сомнительные методы, низводящие эту борьбу до ничтожности.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 6 июля 2016 г. №375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // «Собрание законодательства Российской Федерации» 4.07.2016, Выпуск №27.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.02.2017//) [Электронный ресурс] – Информационно-правовой портал «Гарант» – (дата обращения: 29.09.2017).
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (Принят третьей сессией ВС РСФСР пятого созыва 27 октября 1960 г.) – М., Юрид. лит-ра. – 1987г.
4. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях/ М.С. Кириенко//Адвокат. – 2016. - №5.
5. Комментарии к Уголовному: [Электронный ресурс]. 2016-2017. URL: <http://www.ugolkod.ru/statya-205-6>. (Дата обращения: 01.10.2017).
6. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. - М., 1959.
7. Александров Г.Н. Ответственность за недонесение по Указам Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. - М., 1951
8. С.И.Ожегов, Н.Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка 4-е изд., доп. - М.: ООО «А ТЕМП», 2006.
9. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» [Электронный ресурс] – Информационно-правовой портал «Гарант» – (дата обращения: 02.12.2017).
10. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. №119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс] – Информационно-правовой портал «Гарант» – (дата обращения: 29.10.2017).
11. Кузнецов И.Е. Коррупция в системе государственного управления: социологическое исследование: Дис. ... канд. социол. наук. — СПб., 2000.

УДК 343.232

Мизов А.И. Ответственности за преступления, препятствующие осуществлению правосудия и производству предварительного расследования

Responsibility for crimes affecting the implementation of justice and production of preliminary investigation

Мизов А.И.

Магистр кафедры уголовного права и криминологии Института права, экономики и финансов КБГУ

A. I. Mizov

Master of the Department of criminal law and criminology, Institute of law, Economics and Finance, Kabardino-Balkarian state University

***Аннотация.** В статье изложены некоторые проблем совершенствования ответственности за преступления, препятствующие осуществлению правосудия и производству предварительного расследования.*

***Ключевые слова:** правосудие, воспрепятствование, безопасность жизни.*

***Abstract.** The article describes some of the problems of improving accountability for crimes, impeding the implementation of justice and production of preliminary investigation.*

***Keywords:** justice, obstruction, safety of life.*

Необходимость совершенствования действующего уголовного законодательства, в частности об ответственности за преступления, препятствующие осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, обусловлена рядом причин. В советском уголовном законодательстве в 1989 году была принята ст. 176¹ УК РСФСР, предусматривавшая уголовную ответственность за вмешательство в деятельность суда по отправлению правосудия. В Уголовном кодексе РФ 1996 г. содержание данной правовой нормы было существенно расширено (ст. 294 УК). Это подчеркивает то значение, которое придает государство защите самостоятельности в деятельности не только судебной власти, но и должностных лиц, содействующих суду в отправлении правосудия (прокурора, следователя, лица, производящего дознание). Это свидетельствует о том, что законодателем принимаются меры по совершенствованию уголовно-правых норм.

Объектом данного преступления следует признать отношения, охраняющие независимость и самостоятельность судебной власти при осуществлении правосудия (ч. 1 ст. 294 УК), и отношения, охраняющие

независимость и самостоятельность должностных лиц (прокурора, следователя, лица, производящего дознание), при проведении расследования по уголовному делу (ч. 2 ст. 294 УК). В описании объективной стороны ч. ч. 1 и 2 ст. 294 УК РФ использованы тождественные понятия, а именно: «вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность...». Оценочный характер данной законодательной формулировки не вызывает сомнений. С одной стороны, это позволяет охватить при применении данной уголовно-правовой нормы разнообразные формы вмешательства в судебную деятельность или деятельность по всестороннему, полному и объективному расследованию дела. Однако, с другой стороны, у оценочного определения преступного деяния имеется и негативный аспект.

М.В. Баглай считает, что правосудие - это независимое звено государственной власти, которое рассматривает в установленных законом процессуальных формах и разрешает на основе закона и внутреннего убеждения (совести) уголовные, гражданские и административные дела, принимая от имени государства решения, которые по истечении установленных законом сроков приобретают силу закона. Современную концепцию судебной власти можно охарактеризовать как «защиту прав и свобод людей, утверждение законности и справедливости».[1] Государство и общество в целом заинтересованы в том, чтобы правосудие, с одной стороны, было эффективным и малозатратным, а с другой - полностью выполняло возложенные на него задачи. Понятно, что задачи правосудия формулируются всем обществом в целом, в зависимости от достигнутой общественно-экономической формации. Следовательно, с этой точки зрения задачи правосудия - это задачи всего общества. Именно поэтому процессы укрепления государственной власти, повышение эффективности работы судебно-следственных органов и рост легитимности судебной власти требуют повышенного внимания к эффективной охране интересов правосудия и лиц, осуществляющих предварительное расследование.

Между тем, говоря об укреплении государственной власти и эффективности работы следственных органов применительно к рассматриваемой нами норме уголовного закона, необходимо остановиться на том, что деятельность лиц, осуществляющих правосудие, и деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование, уголовным законом защищаются не равным образом.

Санкция ч.1ст. 294 УК РФ за вмешательство в деятельность суда

предусматривает наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет. Часть 2 ст. 294 УК РФ предусматривает наказание за вмешательство в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в виде штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо арестом на срок до шести месяцев. Непонятно, по каким причинам законодатель признает, что преступное деяние в отношении лиц, осуществляющих правосудие, имеет большую общественную опасность, чем то же деяние в отношении прокурора, следователя или лица, производящего дознание, и дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от того, кто является потерпевшим.

Подходя к конструированию ст. 294 УК РФ, а также некоторых других статей УК, предусмотренных в главе «Преступления против правосудия» (ст. ст. 296, 298.1 УК РФ), законодатель ставит лиц, осуществляющих правосудие, в более приоритетное положение, что, на наш взгляд, является неприемлемым, поскольку и деятельность суда, и деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование, должна защищаться уголовным законом равным образом. Думается, что деятельность, жизнь и здоровье лиц, указанных в ч. ч. 1 и 2 ст. ст. 294, 296, 298.1, должна охраняться уголовным законом в равной степени, независимо от их должностного положения.

Тем более что в квалифицированных составах, содержащихся в рассматриваемых нормах (ч. 3 ст. 294, ч. 3 и 4 ст. 296, ч. 3 ст. 298.1 УК РФ), также нет дифференциации уголовной ответственности в зависимости от должностного положения потерпевшего и выполняемых им функций.

Необходимость устранения этого недостатка очевидна. Представляется, что в качестве способа решения этой проблемы наиболее приемлемым вариантом представляется увеличение размера наказания в санкции ч. 2 ст. 294 УК РФ и приведение ее в соответствие с ч. 1 ст. 294 УК РФ.

О высокой динамике анализируемых нами преступлений свидетельствуют статистические данные, полученные из Судебного Департамента РФ. По официальным данным, в стране по ст.ст. 294-316 УК РФ были осуждены: в 2012 г. - 6217 человек, в 2013 г. - 7206, в 2014 - 7 651, 2015

- 8 487, а в 2016 г. - уже 10 644. [2]

В ст. 294 УК РФ законодатель не устанавливает конкретной формы или способа вмешательства в осуществление правосудия, говоря о том, что оно может осуществляться в «какой бы то ни было форме». Это указание закона позволяет широко трактовать понятие «вмешательство» и вызывает противоречия в суждениях о том, в каких формах оно может осуществляться, и все ли формы вмешательства являются уголовно наказуемыми.

В научной и учебной литературе под вмешательством понимается незаконное участие какого-либо лица в осуществление правосудия с целью изменить его ход в желаемом ему направлении. При этом вмешательство характеризуется как активное поведение или действия, поскольку бездействием осуществить вмешательство нельзя, потому что бездействие будет означать отказ от вмешательства.[3] Представляется, что такой подход справедлив.

Формы вмешательства частных лиц в осуществление правосудия могут быть различными: просьбы, уговоры, советы, шантаж, различного рода обещания и т.д.[4] В.В. Мальцев допускает возможность вмешательства путем утаивания информации, необходимой для правильного разрешения дела.[5] По мнению В.В. Намнясева, смысловое расхождение между терминами «воспрепятствование», означающим, как действие, так и бездействие, и «вмешательство», которое возможно только путем действия, целесообразно устранить в пользу воспрепятствования.[6] Представляется, что упомянутое в названии ст. 294 УК РФ воспрепятствование осуществлению правосудия - это создание помех для реализации судебной власти в строгом соответствии с законом, т.е. действия во всех случаях незаконные.

Воспрепятствование незаконным действиям судей не является помехой правосудию. В диспозиции ч. 1 ст. 294 УК РФ законодатель раскрывает содержание понятия воспрепятствования с помощью другой терминологии - как «вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда». В сочетании с целью воспрепятствования осуществлению правосудия любая форма вмешательства в деятельность суда является незаконной.

Согласно п. 31 ст. 5 УПК РФ под прокурором понимается Генеральный прокурор РФ и подчиненные ему прокуроры, их заместители и помощники, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре.

Прокурор - участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения.

Полномочия прокурора определяются ст. 37 УПК РФ и ФЗ РФ «О прокуратуре Российской Федерации» в той мере, в которой они не противоречат Уголовно-процессуальному кодексу РФ. Исходя из этого, вмешательство в деятельность прокурора может выражаться в воспрепятствовании надлежащему решению задач поставленных перед ним уголовно-процессуальным законодательством.

В соответствии с п. 41 ст. 5 УПК РФ следователем является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом. На него возлагается обязанность производства предварительного расследования по уголовным делам о наиболее опасных преступлениях. В обобщенном виде эта обязанность сформулирована в ч. 2 ст. 21 УПК РФ, где говорится: «В каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные настоящим Кодексом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления». Полномочия следователя закреплены в ст. 38 УПК РФ.

Наряду со следователем уголовно-процессуальное законодательство в качестве одного из участников уголовного судопроизводства выделяет руководителя следственного органа (ст. 39 УПК РФ). Руководителем следственного органа признается должностное лицо, возглавляющее следственное подразделение, а также его заместитель. Назначение и роль руководителя следственного органа - осуществление ведомственного контроля над процессуальной деятельностью работников следственных аппаратов в составе соответствующих правоохранительных министерств, ведомств. Ведомственный контроль призван дополнять прокурорский надзор в досудебном производстве по уголовному делу, наряду с ним обеспечивая надлежащее качество предварительного следствия и результативность уголовного преследования. Процессуальная деятельность руководителя следственного органа поднадзорна прокурору, осуществляется параллельно с прокурорским надзором и не должна ему противоречить.

В связи с этим возникает вопрос: образует ли состав рассматриваемого преступления вмешательство в деятельность руководителя следственного органа, так как он непосредственно не указан в ст. 294 УК РФ?

Для его разрешения необходимо обратиться к правовому статусу данного участника уголовного судопроизводства. Полномочия руководителя следственного органа закреплены в ст. 39 УПК РФ. Их анализ позволяет

сделать вывод о том, что он: а) осуществляет непосредственное оперативное руководство следователями; б) оказывает помощь в их работе; в) осуществляет контроль за деятельностью следователя; г) производит предварительное расследование в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя и (или) руководителя следственной группы.

Производство предварительного следствия по уголовному делу в случае его сложности или большого объема может быть поручено следственной группе, о чем выносится отдельное постановление или указывается в постановлении о возбуждении уголовного дела. Решение о производстве предварительного следствия следственной группой принимает прокурор по ходатайству начальника следственного отдела, а по уголовным делам, расследуемым следователями прокуратуры, - по собственной инициативе.

В постановлении прокурора должны быть перечислены все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, в том числе указывается, какой следователь назначается руководителем следственной группы. К работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Состав следственной группы объявляется подозреваемому, обвиняемому.

Руководитель следственной группы принимает уголовное дело к своему производству, организует работу следственной группы, руководит действиями других следователей, составляет обвинительное заключение либо выносит постановление о направлении уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера к лицу, совершившему преступление, и направляет данное постановление вместе с уголовным делом прокурору.

Принятие дела к своему производству в качестве следователя или руководителя следственной группы и производство предварительного следствия по делу фактически приравнивает статус начальника следственного отдела к статусу следователя. Стало быть, в уголовно-процессуальном смысле он выступает следователем, в связи с чем вмешательство в его деятельность образует состав рассматриваемого преступления.

Куда сложнее обстоит дело с квалификацией действий, совершенных при реализации начальником следственного отдела иных полномочий. При этом, безусловно, осуществление потерпевшим не процессуальных действий не охватывается ст. 294 УК РФ.

Статья 39 УПК РФ наделяет руководителя следственного органа

некоторыми полномочиями, сущность которых ничем не отличается от аналогичных полномочий прокурора. Вмешательство в осуществление указанных полномочий при их реализации начальником следственного отдела не охватывается ст. 294 УК РФ, хотя аналогичные действия при выполнении их прокурором являются преступными и должны квалифицироваться по данной статье.

Вряд ли такое положение чем-либо оправдано. Тожественные по сути действия, имеющие одну и ту же социальную направленность, обусловленные одними и теми же мотивами, в одном случае уголовно наказуемы, а в другом - нет, только из-за того, что, как нам представляется, законодатель неадекватно отразил в уголовно-правовой норме общественно опасное деяние, не учел уголовно-процессуальное законодательство, выделяющее более широкий круг субъектов уголовного судопроизводства, вмешательство в деятельность которых также может повлечь за собой нарушение всесторонности, полноты и объективности расследования дела.

Думается, что в диспозицию ч.2 ст. 294 УК РФ в качестве возможных объектов воздействия необходимо включить и руководителя следственного органа, и начальника подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ).

Полагаем, что предложенные меры по совершенствованию законодательства об уголовной ответственности за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, должны повысить эффективность уголовно-правовой охраны лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование.

Библиографический список

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. - М., 2000. - С. 633.
2. По данным Судебного департамента при ВС РФ// <http://www.cdep.ru> (дата обращения 29.10.2017)
3. Уголовное право Российской Федерации. Часть особенная // Подред. Л.Д. Гаухмана, Л.М. Колодкина, СВ. Максимова. - МЛ 999. - С. 695-696.
4. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть// Под ред. А.И. Рарога. - М.2001. - С. 510; Уголовное право Российской Федерации. В 2 т. Т.2 Особенная часть // Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. - М., 2002. - С. 361.

5. Мальцев В.В. Ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного следствия // Законность. - 1997. - № 10. - С. 13.

6. Намнясев В.В. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования в российском уголовном праве: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. - Волгоград, 1999.-С. 15.

УДК 343.293

Урусов И. А. Потенциал режима отбывания наказания в виде лишения свободы в профилактике рецидива

The potential of the regime of serving the penalty of deprivation of liberty in the prevention of relapse

Урусов Ислам Анатольевич

магистр Институт права, экономики и финансов Кабардино-Балкарского государственного университета
Urusov Islam Anatolyevich
master of Institute of law, Economics and of Finance of Kabardino-BalkariastateUniversity

Аннотация. В статье поднимаются проблемы повышения эффективности использования режима отбывания наказания в виде лишения свободы в процессе предупреждения рецидива преступлений.

Ключевые слова: режим, рецидив, профилактика.

Abstract. In the article the problems of increase of efficiency of use of the regime of serving punishment in form of imprisonment in preventing recidivism.

Keywords: mode, relapse, prevention.

В подавляющем большинстве случаев осужденному за рецидив назначается наказание в виде лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы характеризуется не только сроками, размерами, но и видами мест лишения свободы и их режимами. Поэтому необходимо выяснить, возможно ли использовать различия между видами и режимами лишения свободы для усиления ответственности за рецидив.

Различия в видах лишения свободы и их режимов имеют двоякое назначение. Они помогают дифференцировать, сгруппировать осужденных по их общественной опасности и другим признакам (пол, возраст), с целью персонализации эффективности мер воспитательного воздействия. Такое разделение осужденных должно способствовать исключению возможности отрицательного воздействия более опасных осужденных на менее опасных.

Другое назначение видов лишения свободы и их режимов заключается в дифференциации принудительного воздействия в зависимости от степени общественной опасности совершенных преступлений и личности виновных.

Таким образом, усиление ответственности за рецидив лиц, осуждаемых во второй или более раз к лишению свободы, должно отразиться не только на

сроках лишения свободы, но и на виде и режиме места лишения свободы, где будет отбывать наказание осужденный. Лишение свободы сочетает в себе кару и исправительное воздействие на осужденного, процентное соотношение которых не может и не должно быть одинаковым для всех осужденных. Лица, вновь осужденные за рецидив к лишению свободы, должны быть поставлены не в привычные («по первой ходке») для них условия, а в более суровые. Без этого невозможно рассчитывать на изменение их устойчивых антиобщественных взглядов и привычек. Действующее законодательство, определяя основания и порядок назначения вида и режима лишения свободы за рецидив, учитывает необходимость усиления наказания в отношении этой категории преступников. Так, например, мужчины при особо опасном рецидиве отбывают лишение свободы в исправительных колониях особого режима, а при рецидиве или опасном рецидиве, если осужденный ранее отбывал наказание в виде лишения свободы, - в исправительных колониях строгого режима. Женщины при любом виде рецидива отбывают наказание в колонии общего режима. По действующему законодательству лишение свободы может быть назначено женщинам с отбыванием только в колониях-поселениях и в исправительных колониях общего режима. Колония-поселение назначается женщинам, осужденным за преступления, совершенные по неосторожности, а также за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, но ранее не отбывавшим лишение свободы. Отбывание лишения свободы в исправительных колониях общего режима назначается женщинам, осужденным за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе при любом виде рецидива.[1] Вместе с тем, как справедливо отмечалось в исследованиях данной проблемы, в законодательной регламентации определения видов колоний для осужденных женщин имеются пробелы.[2] Так, например, если женщиной, ранее отбывавшей лишение свободы, при снятой или погашенной судимости совершается умышленное преступление небольшой или средней тяжести? Какой вид колонии должен определить ей суд?

Назначить лишение свободы с отбыванием в колонии-поселении невозможно, поскольку осужденная ранее отбывала лишение свободы. Невозможно и назначение лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, так как совершено преступление небольшой или средней тяжести и отсутствует рецидив преступлений.

Вызывает очевидную неопределенность и такая ситуация - осужденная отбывала лишение свободы за преступление, совершенное по неосторожности. В этом случае при повторном совершении преступления (небольшой или средней тяжести), но уже умышленного, рецидива нет, и поэтому исключается исправительная колония общего режима. А колония-поселение исключается в связи с тем, что ранее имело место отбывание лишения свободы. Таким образом, на основании действующего закона в приведенных случаях вид исправительного учреждения определить невозможно.

Как правило, уголовная ответственность заканчивается с отбытием назначенной судом меры наказания. Если осужденный не отбывает наказания (всего или части), то уголовная ответственность заканчивается с истечением сроков, в течение которых сохраняется обязанность отбывать наказание (сроков давности исполнения обвинительного приговора, испытательного срока). Это не означает, что уголовная ответственность в таких случаях состоит в обязанности отбыть наказание. Она заключается в претерпевании виновным государственного порицания, неотделимого от отбываемого или подлежащего отбытию наказания.

Наказание назначается в пределах, установленных статьей закона, предусматривающей ответственность за совершенное преступление. Суд не вправе ни при каких условиях назначить рецидивисту более строгое наказание, чем это установлено санкцией соответствующей статьи закона.

Повышенная опасность рецидива обуславливает необходимость усиления уголовной ответственности за него. Это усиление осуществляется судом в пределах санкции статьи закона, предусматривающей совершенное рецидивистом преступление. Избираемая судом мера наказания за рецидив является итогом одновременной оценки общественной опасности деяния и личности рецидивиста с учетом его прошлых судимостей.

Чем более опасными являются рецидив и личность рецидивиста, тем более суровым должно быть наказание. Без этого невозможно надеяться на достижение целей наказания.

Принцип повышенной ответственности за рецидив отражается на решении вопроса о возможном минимальном размере наказания за совершенное рецидивистом преступление.

Повышенная общественная опасность рецидива неизбежно отражается на выборе судом меры наказания в пределах санкций, альтернативно предусматривающей лишение свободы, исправительные работы либо иное, более

мягкое наказание. В соответствии с ч. 2 ст. 68 УК РФ за рецидив, должен назначаться наиболее строгий вид наказания, предусмотренный санкцией. Это положение представляется вполне обоснованным, поскольку применение к лицам, отбывавшим в прошлом лишение свободы, исправительных работ и иных более мягких видов наказания нецелесообразно. Они оказываются зачастую неэффективными, неспособными достичь целей наказания.

При определении сроков лишения свободы за рецидив суды должны иметь в виду, что краткосрочное лишение свободы малоэффективно, что убедительно доказано в ряде научных исследований, тем более оно малоэффективно в отношении лиц, совершивших рецидив. Им следует назначать более длительные сроки лишения свободы, если это позволяют тяжесть преступления и санкция соответствующей статьи уголовного закона..[3]

В исключительных случаях, когда по делу установлены смягчающие обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии повышенной опасности преступления и личности виновного, суд в соответствии с ч. 3 ст. 68 УК РФ назначает наказание без учета правил о повышении ответственности за рецидив, мотивируя это в приговоре. При таком условии суд вправе избрать минимальное в рамках санкции наказание либо назначить при наличии установленных законом оснований более мягкое наказание, чем предусмотрено законом (ст. 64 УК РФ). В этих случаях возможно также назначение условного осуждения (ст. 73 УК РФ).

Назначая за рецидив наказание в виде лишения свободы, суд обязан определить в приговоре вид исправительного учреждения, в котором осужденный будет отбывать лишение свободы. Наиболее суровым видом исправительного учреждения, которое может быть назначено судом для отбывания наказания за рецидив, является тюрьма. Эта мера может быть назначена только на часть срока наказания мужчинам, совершившим особо тяжкие преступления и осуждаемым за них к лишению свободы на срок свыше пяти лет, а также при особо опасном рецидиве (ст. 58 УК РФ). Учитывая тяжесть данного вида лишения свободы, суды применяют его в тех случаях когда, по характеру совершенных преступлений и личности виновного очевидно, что его необходимо изолировать от остальных осужденных или подвергнуть наиболее суровой каре. К таким следует, в частности, отнести лиц, совершивших особо тяжкие преступления против личности или пытавшихся создать преступную группировку в исправительной колонии, осужденных за совершение совокупности преступлений или по совокупности приговоров и т. д.

В тех случаях, когда лицу, назначено отбывание части назначенного ему срока лишения свободы в тюрьме, в приговоре суда должен быть указан вид исправительного учреждения, в котором осужденный должен отбывать остальную часть срока лишения свободы.

По закону (ст. 58 УК РФ) мужчины, совершившие особо опасный рецидив, которым назначается лишение свободы в виде заключения в исправительной колонии (или куда они должны поступить после отбытия части наказания в тюрьме), должны отбывать его в исправительной колонии особого режима. Назначение иного вида режима в этом случае недопустимо.

Если осужденный за особо опасный рецидив, переведенный в порядке поощрения за примерное поведение в исправительную колонию строгого режима совершил там новое преступление, то суд, постановляющий приговор по новому делу и избравший лишение свободы в исправительной колонии, должен назначить осужденному особый режим исправительной колонии.

Библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017)// Консультант Плюс (дата обращения 17.11.2017)
2. См.: Бриллиантов А. Новые законодательные подходы к уголовному наказанию // Законность 2004. №3. //Справочная система Консультант Плюс.
3. Сергиенко В.А. Некоторые вопросы применения новых наказаний по УК РФ 1996г.// Материалы межвуз. Научно-практич. Конференции. Краснодар,1997. С.77. Ставцева И.Г. Институт рецидива преступлений в аспекте принципов справедливости и юридического равенства граждан//<http://users.omskreg.ru> (дата обращения 27.10.2017) и др.

СЕКЦИЯ 4. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА; ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343

Крайников М.А., Максимова Ю.В. Полномочия следователя и его
процессуальная самостоятельность

The concept of an investigator as a prosecution in criminal proceedings.

Крайников Михаил Александрович

Магистрант

Оренбургский Государственный Университет

Максимова Юлия Владимировна

Магистрантка

Оренбургский Государственный Университет

Научный руководитель:

Мищенко Е.В. д.ю.н, профессор кафедры теории государства и

Конституционного права

Оренбургский Государственный Университет

Krajnikov Mikhail Alexandrovich

Master

Orenburg State University

Maksimova Julia Vladimirovna

Magistracy

Orenburg State University

Mischenko E.V. Doctor of Law, Professor of the Department of State Theory and

Constitutional Law

Orenburg State University

Аннотация. Вступивший в силу с 1 июля 2002 г. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) впервые закрепил классификацию участников уголовного судопроизводства в соответствии с выполняемыми функциями уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела, и внес множество изменений регламентирующих их процессуальное положение. В результате произошедших изменений, институт обвинения (уголовного преследования), и регламентация в УПК РФ правового статуса участников уголовного процесса осуществляющих функцию обвинения, получили более четкое оформление.

Ключевые слова: следователь, дознаватель, закон, уголовный процесс, доказывание, доказательство.

Abstract. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), which came into force on July 1, 2002, for the first time consolidated the classification of participants in criminal proceedings in accordance with the functions of criminal prosecution, protection and resolution of the criminal case, and made many changes regulating their procedural status. As a result of the changes that have taken place, the institution of prosecution (criminal prosecution), and the regulation in the Code of Criminal Procedure of the legal

status of the participants in the criminal process carrying out the function of accusations, received a clearer design.

Keywords: *investigator, investigator, law, criminal process, proof, proof.*

Следователь в уголовном процессе, независимо от ведомства, в котором он состоит - это наделенный широкими полномочиями деятель российской юстиции, выполняющий важные государственные функции - уголовное преследование, изобличение лиц, совершивших преступление, защиту граждан от неосновательного привлечения к ответственности, разрешение дела по существу.

В УПК РФ процессуальному статусу следователя посвящена специальная норма (ст. 38), но его полномочия «рассредоточены» и в других статьях УПК, определяющих права и обязанности его участников (например, ст.ст. 7, 14, 16, 17 УПК РФ и др.) регламентирующих общие условия предварительного следствия (гл. 21), основания и порядок применения мер процессуального принуждения (гл. 12-14), производства следственных и иных процессуальных действий (ст.ст. 157, 164) и т.п.

Опираясь на анализ данных норм, систему процессуальных полномочий следователя можно представить следующим образом. Это права следователя:

1. В стадии возбуждения уголовного дела: по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлении (п. 1 ч. 2 ст. 38, ст.ст. 144-145 УПК РФ).

2. В стадии предварительного расследований: по принятию уголовного дела к своему производству или направлению его прокурору для определения подследственности (п. 2 ч. 1 ст. 38, ч. 5 ст. 152 и ст. 156 УПК РФ); по принятию решений о направлении хода расследования, производстве следственных и иных процессуальных действий (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), по даче органу дознания в случаях и порядке, установленных УПК РФ, обязательных для исполнения письменных поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, по получению содействия при их осуществлении (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

3. В стадии судебного разбирательства: по поддержанию от имени государства обвинения в суде по уголовному делу, которое следователь расследовал в форме дознания (п. 6 ст. 5 УПК РФ).

Последнее полномочие следователя является новеллой современного уголовно-процессуального законодательства, как и обязанность следователя, проводить в определенных случаях расследование в форме дознания.

Как должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие, следователь обладает процессуальной независимостью и самостоятельностью, позволяющей ему принимать решения, определяющие начало, ход и завершение производства по конкретному уголовному делу.

В соответствии со ст. 38 УПК РФ, при производстве предварительного расследования следователь все решения о направлении следствия и о производстве следственных действий принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законодательством предусмотрено согласование с прокурором, и несет полную ответственность за их законное и своевременное проведение. Процессуальная самостоятельность следователя обеспечивается тем, что в случае несогласия с письменным указанием прокурора или начальника следственного отдела по любому возникающему в ходе расследования вопросу следователь вправе представить в установленном порядке свои возражения. Иные должностные лица, включая руководителей отделов внутренних дел, не вправе вмешиваться в процессуальную деятельность следователя, давать указания по расследуемому им делу. Никто абсолютно, включая прокурора или начальника следственного отдела, не может навязать следователю принятие решений, вопреки его убеждению.

Принцип процессуальной самостоятельности следователя представляет реальную гарантию законности и обоснованности процессуальных решений следователя, поскольку дает ему возможность в пределах установленной законодательством компетенции вполне самостоятельно формулировать выводы и суждения на основе проверенных достоверных доказательств. Презюмируется при этом, что никто лучше следователя, в чьем производстве находится дело и кто лично непосредственно вникает в сущность исследуемых обстоятельств, не может оценить доказательства в их совокупности и принять наиболее оптимальные и верные и рациональные решения по каждому возникающему правовому вопросу.

Следователь, в соответствии с принципом процессуальной самостоятельности, должен принимать такие решения, в законности и обоснованности которых он полностью уверен; он должен иметь по каждому вопросу свое собственное мнение и не может действовать вопреки своему убеждению и совести. В случае принятия незаконного и необоснованного

решения следователь несет за это персональную ответственность наряду с прокурором или начальником следственного отдела, давшими соответствующее указание. Вынесение процессуального решения вопреки своему убеждению должно во всех случаях рассматриваться и как нарушение норм процессуального законодательства, и как невыполнение своего служебного долга, и как беспринципность - свойство несовместимое с процессуальным и служебным положением следователя. В этой связи нельзя согласиться с односторонней трактовкой принципа процессуальной самостоятельности следователя — только как право принимать решения по своему внутреннему убеждению. Необходимо подчеркнуть также и обязанность следователя действовать исключительно в соответствии со своими убеждениями.

Процессуальная самостоятельность следователя относится как к сфере принятия им решений, так и в целом ко всей его процессуальной деятельности: планирование расследования, выбору наиболее эффективных и основанных на законе тактических приемов и методов расследования, направленных к быстрому и полному раскрытию преступлений.

Самостоятельно направляя ход расследования, следователь вправе формулировать и проверять версии, вовлекать в уголовное судопроизводство соответствующих участников, изменять их процессуальный статус, осуществлять процесс доказывания, определять круг следственных действий, необходимых для получения доказательств, осуществлять процессуальную деятельность, направленную на их выполнение .

Следователь, рассматривая заявление о совершенном преступлении, самостоятельно принимает решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. Если в ходе расследования он придет к внутреннему убеждению, что в материалах следствия нет состава преступления, то выносится постановление о прекращении уголовного дела. Собрав достаточные доказательства, дающие основание для привлечения лица в качестве обвиняемого, следователь самостоятельно выносит мотивированное постановление и предъявляет обвинение. Проведя расследование в полном объеме, он составляет от своего имени обвинительное заключение и представляет дело прокурору для утверждения обвинительного заключения и направления его в суд.

Процессуальная самостоятельность следователя выражается и в его праве давать органам дознания обязательные для исполнения письменные

поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении.

Расследуя дело, следователь имеет право задержать подозреваемого в совершении преступления, а в случае, если он скрылся, или лицо, совершившее преступление, не известно, поручить органам дознания их розыск. Все поручения органам дознания даются в письменном виде и обязательны для исполнения.

Таким образом, действующий УПК РФ предоставляет следователю широкие полномочия по избранию направления хода расследования уголовного дела и тактики уголовно-процессуального доказывания.

Вместе с тем, необходимо отметить, что по сравнению с УПК РСФСР его полномочия по осуществлению следственных действий были существенно ограничены. Это обусловлено как отмечается в литературе, общей концептуальной новизной положения суда в системе современного российского уголовного судопроизводства, выражающегося в усилении и возрастании объема компетенции данного государственного органа по судебному контролю за соблюдением процессуальных прав участников уголовного процесса.

Конституция РФ устанавливает, что отдельные процессуальные действия, затрагивающие права и свободы граждан, производятся на основании судебного решения. Судебное решение (с предварительным согласием прокурора) необходимо следователю для применения следующих мер процессуального принуждения: избрание (отмена или изменение) меры пресечения в виде домашнего ареста (ч. 2 ст. 107, ч. 4 ст. 110 УПК РФ); избрание (отмена или изменение) меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 1 ст. 108 УПК РФ); продление срока содержания под стражей (ст. 109 УПК); временное отстранение обвиняемого от должности (ч. 1 ст. 114 УПК); наложение ареста на имущество, включая денежные средства физических и юридических лиц, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях (ч. 1 ст. 115, ст. 116 УПК РФ). Судебный порядок получения разрешения на проведение вышеуказанных процессуальных действий регламентирован ст. 107-110, 114, 115 УПК РФ.

Также судебное решение (с предварительным согласием прокурора) необходимо следователю для проведения следующих процессуальных и

следственных действий: помещение подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства соответственно судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ч. 2 ст. 203 УПК РФ); осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц (ч. 5 ст. 177 УПК РФ); обыск в жилище (ч. 3 ст. 182 УПК РФ); личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 (ч. 1 ст. 184 УПК РФ); выемка в жилище (ч. 2 ст. 183 УПК РФ); выемка предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях (ч. 4 ст. 183 УПК РФ); наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в учреждениях связи (ч. 2 ст. 185 УПК РФ); контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 1 ст. 186 УПК РФ). Судебный порядок получения разрешения на производство вышеуказанных действий закреплен в ст. 165 УПК РФ.

Несмотря на передачу от прокурора суду полномочий, затрагивающих наиболее важные конституционные права и свободы человека и гражданина, прокурорский надзор за деятельностью следователя не только сохранен, но и расширен. Суд не вправе без согласования с прокурором не только решить вопрос по существу, но даже принять к рассмотрению ходатайство следователя. Следователь теперь обязан согласовывать с прокурором все решения о возбуждении ходатайства о проведении следственных мероприятий перед судом.

Санкция (согласие) прокурора (без судебного решения) требуется в следующих случаях: при возбуждении уголовного дела (ч. 1 ст. 146 УПК РФ); при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ); при применении залога в качестве меры пресечения (ч. 2 ст. 106 УПК РФ); при продлении срока предварительного следствия (ст. 162 УПК РФ); при исключении из протокола следственного действия данных о личности потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц (ч. 9 ст. 166 УПК РФ); при выемке предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую законом тайну (ч. 3 ст. 183 УПК РФ). Прокурор также утверждает обвинительное заключение, составленное следователем в порядке ст. 220 УПК РФ.

Как видим перечень действий следователя, на которые требуется согласие прокурора, значителен.

По общему правилу, в силу ч. 3 ст. 37 УПК РФ письменные указания прокурора следователю являются обязательными. Обжалование полученных

указаний вышестоящему прокурору не приостанавливает их исполнения, за исключением случаев несогласия следователя со следующими решениями и указаниями прокурора: о привлечении лица в качестве обвиняемого; о квалификации преступления; об объеме обвинения; об избрании меры пресечения либо отмене или изменении меры пресечения, избранной следователем в отношении обвиняемого (подозреваемого); об отказе в даче согласия на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения или о производстве иных процессуальных действий, предусмотренных п. 2-11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ; о направлении уголовного дела в суд или его прекращении; об отводе следователя или отстранении его от дальнейшего ведения следствия; о передаче уголовного дела другому следователю.

В случае несогласия с вышеуказанными решениями или указаниями прокурора следователь вправе представить уголовное дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений. Вышестоящий прокурор либо соглашается с доводами следователя и отменяет указание нижестоящего прокурора, либо поручает производство предварительного следствия по данному уголовному делу другому следователю.

Таким образом, практически всё время с момента обнаружения признаков преступления до передачи дела в суд с обвинительным заключением, следователь работает под неусыпным контролем прокуратуры и суда, хотя по закону и имеет некоторую степень самостоятельности. Деятельность следователя оказывается под двойным контролем, что осложняет не только его работу, но и влечёт ограничение некоторых прав граждан и юридических лиц, увеличение сроков расследования. Снижается быстрота, оперативность в исследовании обстоятельств преступлений, которые обретают всё более сложные квалифицированные виды.

Кроме того, УПК РФ наделил обширными процессуальными правами и начальника следственного отдела (ст. 39). Из анализа данной статьи следует, что практически все процессуальные решения, действия следователя по расследованию уголовного дела подпадают под контроль начальника следственного отдела. Как справедливо замечает В.Д. Дармаева: «При анализе норм УПК РФ, определяющих полномочия прокурора и начальника следственного отдела, возникает сомнение вообще о наличии у следователя какой-либо самостоятельности в принятии решений. Закон предусматривает только некоторые гарантии обеспечения самостоятельности» .

Рассмотрим как пример, проблемы процессуальной самостоятельности следователя при избрании, изменении и отмене меры пресечения. Статья 97 УПК РФ закрепляет право следователя на избрание обвиняемому меры пресечения. Подробно порядок применения и сущность мер пресечения раскрываются в статьях 99-108 УПК РФ. В Конституции РФ предусмотрено применение такой меры пресечения как содержание под стражей только на основании судебного решения. Но, невзирая на это конституционное установление, следователь, следуя нормам УПК России, при необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу обязан получить согласие прокурора на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства. В таком же порядке в соответствии со ст. 107 УПК РФ применяется и такая мера пресечения как домашний арест.

Между тем, реализация этой нормы Конституции РФ затруднена с практической точки зрения, поскольку ходатайство об избрании данной меры пресечения должно быть представлено суду не позднее 8 часов до истечения срока задержания, исчисляемого 48 часами. За это время органу расследования необходимо, кроме составления ходатайства перед судом и получения на это согласия прокурора, отыскать и пригласить к задержанному адвоката и с его участием допросить задержанного в качестве подозреваемого, собрать достаточные доказательства, а также предъявить, обвинение и допросить задержанного уже в качестве обвиняемого. И сделать это все следователь обязан в течение 40 часов, что очень проблематично. То же самое касается положений статьи 109 УПК, требующей от следователя получения согласия прокурора на обращение в суд для продления срока содержания под стражей. В этих случаях прокурор, не давая согласия на выполнение таких действий, получает по существу право ограничивать процессуальную самостоятельность следователя и фактически лишать его предоставленного законом права обратиться в суд. Поскольку ч. 3 ст. 38 УПК РФ предоставляет следователю право в случае несогласия с указанием прокурора по этим вопросам представить уголовное дело с изложением своих возражений только вышестоящему прокурору, который, решение нижестоящего прокурора, как правило, не отменяет, то следователь, оказывается, по существу лишен возможности обжаловать данные решения прокурора. В то же время отказ от промежуточной роли прокурора при избрании указанных мер пресечения, прав прокурора не ущемляют и не снижают возможности прокурорского надзора, поскольку прокурор

осуществляет надзорную функцию, как в процессе следствия, так и в ходе судебного разбирательства, на котором рассматривается соответствующее ходатайство следователя. Ведь прокурор может изменить меры пресечения, применяемые следователем самостоятельно на более строгие, по той же схеме он может осуществлять свою деятельность в случае применения таких мер пресечения как домашний арест, содержание под стражей. В результате этого следователь сможет напрямую выходить в суд с ходатайством о применении данных мер пресечения, что, повысит уровень его процессуальной самостоятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что необходимость ограничения процессуальной самостоятельности следователя при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу, выражающаяся в необходимости согласования с прокурором ходатайства в суд о применении этих мер пресечения, нецелесообразна, т.к. это является лишней бюрократической инстанцией. Поэтому, предлагается изменить формулировку ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ, убрав оттуда положение о необходимости согласования с прокурором ходатайства в суд о применении этих мер пресечения, обязав следователя уведомлять прокурора о принятии данного процессуального решения, что обеспечит оптимальный уровень процессуальной самостоятельности следователя.

Сердцевиной процессуальной самостоятельности следователя считается его возможность обжаловать указания прокурора и начальника следственного отдела вышестоящему прокурору в соответствии с положениями ч. 3 ст. 38 УПК. Жизнь, однако, показывает, что указанное право не используется следователями, которые не рискуют противостоять своему всемогущему процессуальному начальству. Как отмечает О. Темираев, внесение возражений на указания прокурора или начальника следственного отдела встречаются в практике довольно редко .

УПК РФ указывает на обязательность для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами требований, поручений и запросов следователя (ст. 21 ч. 4 УПК РФ), но при этом не предусматривает последствий их неисполнения и ответственности. «Нет ответственности за неявку к следователю без уважительных причин, за нарушение порядка во время проведения следственных действий, отказ в предоставлении информации, документов, выделении специалистов и т. д. «Подобные действия, отмечает О. Темираев. - должны наказываться в

административном порядке, причём далеко не символическим штрафом» . И он совершенно прав. Не понятно, на что надо уповать следователю при повальном правовом нигилизме.

Существуют и другие положения УПК РФ, существенно ограничивающих процессуальную самостоятельность следователя, они подробно раскрыты в юридической литературе. Все это позволяет утверждать, что на сегодняшний день реальное процессуальное положение следователя таково, что при принятии основополагающих решений следователь целиком и полностью зависит от прокурора.

Во многом реальное положение следователя зависит от правильного представления и понимания роли и назначения следователя в российском уголовном судопроизводстве. Юристами неоднократно высказывалось мнение о том, что отнесение следователя к стороне обвинения нецелесообразно. Следует согласиться с мнением Л.В. Головки, критикующего современное положение следователя со стороны обвинения, которое входит в противоречие с отдельными требованиями УПК РФ. Если прокуроры, следователи, дознаватели станут выполнять предписания ст. ст. 73, 85, 86, 87 и др. норм УПК РФ, то идея состязательности и классификация участников уголовного судопроизводства сообразно теорией функций превращается в пустой звук. При выполнении ими функции обвинения, фикцией становятся нормы УПК РФ о доказывании. Как верно отмечает Л. В. Головка, одни следователи сочтут себя исключительно обвинителями, тогда как другие продолжат тщательно выполнять предписания ст. 73 УПК РФ и искать доказательства не только *contra*, но и *pro* .

Представляется верным и мнение Ю.В. Деришева, считающего, что отнесение органов предварительного расследования, особенно следователя, к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения не только не соответствует реальному положению вещей, но искусственно создает ряд объективных препятствий, мешающих осуществлению всестороннего, полного, неприедвзятого предварительного расследования (большие полномочия прокурора, начальника следственного отдела на предварительном расследовании, возложение на следователя задачи производства предварительного расследования по, так называемым, «нераскрытым» преступлениям, производство дознания, поддержание обвинения в суде и др.). Имеется здесь и субъективный фактор психологического свойства: следователю будет довольно сложно объективно исследовать обстоятельства после того, как

он сам принимал меры к установлению лица, совершившего данное преступление .

Считаем, что отнесение следователя к стороне обвинения нецелесообразно и ведет далеко не к состязательному типу уголовного процесса. Следователь должен быть как судья: не относится ни к стороне обвинения, ни к стороне защиты, а всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства дела, т.е. выполнять одну основную функцию - функцию расследования, которая заключается в деятельности следователя по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела. Поэтому, представляется необходимым вернуть на законодательном уровне ст. 20 УПК РСФСР.

Все изложенное свидетельствует о недоверии следователю со стороны законодателя. В уголовном процессе наблюдается большой перекося в статусе его участников. Любое уголовное дело начинается с вынесения постановления о его возбуждении, которое выносит следователь, статус которого закреплён только ст. 38 УПК РФ, надзор по производству уголовного дела и согласование некоторых процессуальных решений осуществляет прокурор, статус которого определён федеральным законом, приговор по делу выносит судья, статус которого определён множеством федеральных законов.

Нельзя не видеть, что, укрепляя на конституционном уровне независимость суда и одновременно не замечая подобное положение предварительного следствия, напрямую обеспечивающее объективное правосудие, законодатель вольно или невольно допускает воздействие на суд через открытого для любого влияния следователя . Поэтому, в целях упрочнения процессуального положения следователя, закрепления за ним достаточного уровня процессуальной самостоятельности необходимо закрепить его статус в соответствующем федеральном законе. Остро необходим закон «О статусе следователя», принятие которого неоправданно затягивается.

Для усиления процессуальной самостоятельности следователя, предлагается изменить формулировку ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ, убрав оттуда положение о необходимости согласования с прокурором ходатайства в суд о применении этих мер пресечения, обязав следователя уведомлять прокурора о принятии данного процессуального решения, что обеспечит оптимальный уровень процессуальной самостоятельности следователя.

Предлагаем пункт 41 ст. 5 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«41) следователь - должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу путем объективного, всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, а также обладающее иными полномочиями, предусмотренными настоящим Кодексом».

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть 1). Ст. 4921 (с последующими изменениями и дополнениями).
2. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. N 3181-1 «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ..- 1995.- N 33.- ст. 3349.
3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. N 2202-1 "О прокуратуре Российской Федерации" // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации.- 1992.- N 8.-Ст. 366
4. Указ Президента РФ "О мерах по совершенствованию организации предварительного следствия в системе МВД Российской Федерации" от 23 ноября 1998 г.// Российская газета. 1998. 26 ноября (с последующими изменениями и дополнениями).
5. Божьев В.П., Трусов А.И. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя: история и современность // Проблемы формирования социалистического правового государства: Труды Академии. - М.; Изд-во Акад. МВД, 2016.
6. Деришев Ю.В. Проблемы организации досудебного производства по УПК РФ: Монография. – Омск: Омский юридический институт. 2017
7. Картохина О.А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков). - 2-е изд., перераб. и доп. - "Юрайт-Издат", 2016.
9. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) (под общей ред. В.И.Радченко) 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юстицинформ, 2014.

УДК 34

Мамедов Ф. Реализация принципов уголовного судопроизводства

The implementation of the principles of criminal proceedings

Мамедов Фуад,

Студент 3 курса,

Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного университета

Mamedov Fuad,

3rd year student,

Sterlitamak branch of Bashkir State University

***Аннотация.** Судебная власть, как представляется, имеет наиболее сильные рычаги воздействия на отношение граждан к закону, на формирование их выбора вариантов правового или противоправного поведения.*

***Ключевые слова:** принципы, уголовное судопроизводство, стадии*

***Abstract.** The objective of the organization, especially the prevailing organizational structure require us to analyze the appropriate activation conditions. Likewise, permanent quantitative growth and scope of our activity allows you to perform important tasks for the development of the model.*

***Keywords:** principles, the criminal proceedings stage*

Принципы всегда представляют собой первичные нормы права, не выводимые друг из друга и обнимающие более частные нормы, в которых конкретизируется содержание принципов и которые подчинены этим принципам. Нормы - принципы носят императивный, властно-повелительный характер, содержат обязательные предписания, выполнение которых обеспечивается всей совокупностью правовых средств, имеющих на вооружении у государства. Своей целью они имеют человека и гражданина и соответствующие государственные органы. Органы государства, ведущие процесс, должны действовать на основе установленных принципов и несут ответственность за их нарушение. Конституция РФ закрепила общеправовые принципы, которые, выражая природу и сущность демократического государства, содержат гарантии прав и свобод человека и гражданина.

Эти принципы исходят из признания человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). Сознвая себя частью мирового сообщества, народ РФ принял Конституцию РФ, в которой записаны общепризнанные и отраженные в ряде международно-правовых документах права человека и гражданина, принципы правосудия.

В соответствии с конституционными принципами в отраслевом законодательстве - УПК содержатся нормы, имеющие основное, определяющее значение для всего судопроизводства и отдельных его стадий. Основные принципы записаны в Конституции РФ, часть - в отраслевом законодательстве - УПК и некоторых других законодательных актах. Все принципы неразрывно связаны между собой и образуют единую совокупность правовых начал, одинаково значимых для достижения целей уголовного процесса. Каждый из них определяет такую сторону судопроизводства, без которой невозможно правильное осуществление его задач. Значение принципов как руководящих и обязательных положений при применении процессуального законодательства выражается в том, что они обязательны для любого органа уголовного преследования и суда вне зависимости от занимаемого ими положения в правоохранительной системе, подлежат неукоснительному соблюдению не только гражданами, должностными лицами и государственными органами, призванными соблюдать и исполнять законы, но и законодательными органами при создании новых законов, изменении и дополнении действующих процессуальных норм.

Соблюдение и исполнение этих установлений обеспечивается всем комплексом уголовно-процессуальных норм, регламентирующих общественные отношения в сфере уголовного судопроизводства. Нарушение велений этих принципов ведущими уголовный процесс государственными органами и должностными лицами, безусловно, должно вызывать наступление предусмотренной законом ответственности, в частности отмену вынесенных в ходе такого производства решений либо признание собранных при этом материалов не имеющими доказательственной силы.

Принятие законодательства об уголовном судопроизводстве относится к ведению Российской Федерации, поэтому правовой базой принципов уголовного судопроизводства могут являться лишь Конституция РФ и федеральное законодательство. Конституция РФ, провозглашая высшей ценностью права и свободы человека, признает основной задачей государства их соблюдение и защиту. Руководствуясь этой гуманистической идеей, Конституция РФ значительно расширяет круг процессуальных установлений, поднимаемых до уровня конституционных принципов правосудия и уголовного судопроизводства. Эта система призвана обеспечить единообразное понимание законности и применение всех правовых предписаний в деятельности органов уголовного преследования, служить методологической

основой развития и совершенствования законодательства об уголовном процессе.

Совершенствование законодательства правового государства, насыщение его демократическими и гуманитарными элементами, восприятие многих установлений международного опыта, а также развитие теории уголовного процесса привели к расширению круга принципиальных основ уголовного судопроизводства. В интересах более углубленного изучения их содержания и особенностей правового регулирования возникла необходимость классификации (группировки) принципов уголовного процесса с учетом определенных критериев. Таким образом, на основе изложенного можно прийти к выводу, что принципы уголовного процесса — это закрепленные в законе исходные, руководящие положения (идеи), определяющие его сущность, единство и построение и представляющие собой не что иное, как государственно-властные требования, обращенные к участникам уголовного судопроизводства.

Изложенное позволяет выделить следующие признаки, которые характеризуют идею, положение как принцип уголовного судопроизводства. К числу таковых, в частности, относятся:

- нормативно-правовой характер, т.е. закрепление в законе идей, положений, научных разработок;

- концептуальный (относительно абстрактный), обобщающий уровень идеи, положения, из которой, в свою очередь, могут следовать нормы более частного характера;

- действие идеи, положения на всех стадиях уголовного процесса или как минимум на его центральной стадии (судебное разбирательство);

- уголовно-процессуальная природа идеи, положения;

- тесная взаимосвязь и взаимообусловленность принципов,

что позволяет не без оснований рассматривать их в юридической литературе как систему, ибо только определенная совокупность принципов может гарантировать выполнение стоящих перед уголовным процессом задач.

Назначение принципов уголовного процесса заключается в обеспечении прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М.1994г.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации У 26.- Новосибирск: Сиб.унив.изд-во,2010.-544с.
3. Научно-практический комментарий к УПК РФ / Под общ. ред. В.М.Лебедева; Науч.ред. В.П.Божьев.М.:Спарк,2008.-1007стр.
4. Закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.96.
5. Закон «О статусе судей Российской Федерации» от 26. 06. 1992.в ред. от 21. 06. 1995.

УДК 343.139

Стародумов С.В. Система судебных действий следственного характера как фактор, обуславливающий их самостоятельность

The system of judicial actions of investigative character as a factor, causing their independence

Стародумов Сергей Владимирович,

помощник заместителя председателя Устиновского районного суда г.Ижевска УР,
аспирант

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».
Научный руководитель

Татьянина Л.Г., д.ю.н., профессор ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Starodumov Sergei Vladimirovich,
deputy judge Ustinovski District Court of Izhevsk, postgraduate student, Udmurt State
University

Tatyanina L.G., Dr. of law, Prof., Udmurt State University

Аннотация. Процессуальные действия разделяются на виды. Разделение процессуальных действий на виды имеет теоретическое и правовое значение. Судебные действия, как вид процессуальных, исследованы в меньшей степени, чем следственные. Судебные действия следственного характера как вид судебных действий обладают собственным процессуальным значением. Автором указываются причины и значение отличий между следственными действиями и судебными действиями следственного характера.

Ключевые слова: судебное следствие, судебные действия, следственные действия, судебные действия следственного характера.

Abstract. Legal proceedings are divided into types. Division of legal proceedings into types has theoretical and legal value. Judicial actions as type of procedural have less extent of investigating, than investigative actions. Judicial actions of investigative character as a type of judicial actions have own procedural value. The author specifies the reasons and value of differences between investigative actions and judicial actions of investigative character.

Keywords: court investigation, legal proceedings, investigative actions. judicial actions of investigative character.

Совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным законом процессуальных действий суда предполагает их общность и наличие однородных признаков.

В науке уголовно-процессуального права в настоящее время не сложилось единого понимания к определению судебных действий, предусмотренных 37 главой УПК. Согласно наиболее известным в настоящее время подходам, средства доказывания, используемые судом в ходе судебного

следствия, именуют следственными действиями¹⁰. Существуют подходы, в которых их именуют как судебные действия, так и следственные действия судебного характера¹¹.

Признаки, характеризующие особенности содержания судебных действий, в совокупности с условиями их производства, на наш взгляд, не позволяют проводить отождествление между судебными и следственными действиями. Статья 215 УПК РФ обозначает пределы использования следственных действий в доказывании по уголовным делам. Кроме того, в ходе судебного следствия, в отличие от следственных, судебные действия проводятся судом в условиях гласности, процессуального равенства и состязательности сторон. В то же время, позиция о тождественности познавательных приемов используемых при производстве следственных и судебных действий не включает условия производства этих процессуальных действий. Версия о тождественности следственных и судебных действий ввиду аналогичности познавательных механизмов не включает в себя обладающих аналогичными познавательными механизмами оперативно-розыскных и доследственных мероприятий таких как, досмотр, опрос, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, заключение специалиста (содержащего исследование). Вместе с тем не вызывает вопросов разница между фактически тождественными процессуальными формами производства предварительного расследования в виде дознания и предварительного следствия и их итоговыми процессуальными актами – обвинительном акте и обвинительном заключении.

Системный анализ конструкций разных видов процессуальной деятельности, свидетельствуют о процессуальных особенностях действий, предусмотренных [гл.37](#) УПК РФ. В свою очередь очевидна и процессуальная самостоятельность таких судебных действий.

Исходя из позиции широкого подхода к пониманию судебных действий, полагаем, что судебные действия, предусмотренные [гл.37](#) УПК РФ следует

¹⁰ Абдумаджидов Г.А. Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование). Ташкент: Узбекистан, 1986. С. 111 - 112;

¹¹ Полуянова Е.В. [Производство следственных действий](#) в стадии судебного разбирательства // Российский следователь. 2007. N 4. С. 26; Костюков А.В. Понятие "судебное действие" в уголовном судопроизводстве России // Вестник Удмуртского университета. 2014. N 2-1. С. 166; Бозров В.М., Кобяков В.М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992. С. 21; Баев М.О. Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 192;

терминологически выделять и именовать их как судебные действия следственного характера.

В свою очередь, наряду с выделяющими в качестве самостоятельных процессуальных действий, судебные действия следственного характера, их признаки и условия производства, немаловажную роль будет играть и их система.

Под систематизацией понимается расположение классов элементов системы в определенном порядке, в соответствии с существующими между этими классами взаимосвязями. Значение систематизации в том, что элементы системы приобретают упорядоченную структуру и отражаются в сознании не разрозненно, а в определенном порядке (системе), что позволяет глубже понять их взаимосвязь и правильно использовать эти знания в практической деятельности¹².

С.А. Шейфер указывал, что системность следственных действий определяется их взаимосвязями со следами произошедших событий. Бесспорно, такими событиями подразумеваются те из них, которые носят уголовно-правовую окраску, т.е. относятся к следам преступлений. Вместе с тем, как системообразующая связь между ними им указывается на единство познавательных и удостоверительных операций¹³.

Система определяется ее взаимосвязью с определяющими ее таковой признаками целостности, структуры, связи, элемента, отношения, подсистемы и прочими. Практически каждый объект может быть рассмотрен как система. Выделяют такие принципы построения систем, как: целостности, структурности, взаимозависимости системы и среды, иерархичности, множественности описания системы¹⁴. Иерархичность, многоуровневость, структурность — свойства не только строения, но и ее поведения. Отдельные уровни системы обуславливают аспекты её поведения. Общее (целостное) функционирование системы выступает результатом взаимодействия всех её сторон и уровней.

¹² Константинов Ф.В. *Философская Энциклопедия*, М.: Советская энциклопедия: В 5 т. Т.5. 1970. С. 521; Ивин А.А. *Философия: Энциклопедический словарь*, М.: Гардарики. 2004. С. 632; Ильичёв Л.Ф. и др. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. — 840 с. [Электронный ресурс] URL: http://methodological_terms.academic.ru/1815.

¹³ Шейфер С.А. *Следственные действия. Система и процессуальная форма*. М.: Юрлитинформ, 2001. с. 7-8

¹⁴ Ильичёв Л.Ф. и др. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1983. — 840 с. [Электронный ресурс] URL: http://methodological_terms.academic.ru/1815.

К примеру, Е.Б. Кузин пишет, что систему судебных действий следственного характера составляют допрос подсудимого, потерпевшего, свидетеля, лиц, обладающих специальными знаниями, назначение и производство судебной экспертизы, осмотр вещественных доказательств, местности и помещения, следственный эксперимент; предъявление для опознания; освидетельствование¹⁵.

Ю.С. Курочкина приходит к выводу о том, что система судебных действий следственного характера обусловлена и состоит во взаимосвязи между видами судебных действий следственного характера и процессуальными решениями суда, которые вместе выступают элементами системы¹⁶.

Сравнивая эти подходы к пониманию системы судебных действий следственного характера, считаем их несовершенными. Позиция Е.Б. Кузина сводится к перечислению только видов судебных действий следственного характера без выделения системной связи и принципов строения систем системы, а позиция Ю.С. Курочкиной в большей степени относится к процессуальному порядку производства судебного следствия, определяя порядок проведения судебного следствия элементами системы и позволяя выделить ее в качестве системы. В данном случае происходит логическая ошибка, когда изначально создается система, в которую включают ее элементы.

С.А. Шейфер полагал, что системообразующей связью следственных действий выступает их взаимосвязь со следами преступлений¹⁷. В свою очередь, анализируя следы преступлений как элемент системной связи следственных действий можно его охарактеризовать как предмет, на который направлены следственные действия. Но в судебном разбирательстве исследованию подлежат собранные и представленные по уголовному делу доказательства. Доказательства, в виде сформированных и представленных в качестве следов преступления результатов процессуальной деятельности, являются предметом самостоятельного и неотъемлемого от порядка уголовного судопроизводства процессуального познания. Таким образом, доказательства,

¹⁵ Кузин Е.Б. К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера // Вестник ЮрГУ. №27. 2011. С. 55.

¹⁶ Курочкина Ю.С., Татьяна Л.Г. Система судебных действий следственного характера // Вестник УдГУ, т.26, вып.1. 2016. С. 133.

¹⁷ Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма, М.: Юрлитинформ, 2001, С. 7-8.

как результаты процессуальной деятельности не образуют фактической и процессуальной тождественности со следами преступлений.

В связи с изложенным, обоснованным и логичным будет выступать предложение, согласно которому системообразующей связью судебных действий следственного характера может выступать их направленность на исследование доказательств по уголовному делу.

Представленная системообразующая связь судебных действий следственного характера в совокупности с уголовно-процессуальным регулированием судебного следствия позволяет говорить о видах судебных действий следственного характера, как элементах, входящих в систему процессуальных действий, ее подсистему судебных действий и определяющих систему судебных действий следственного характера.

В свою очередь, элементы системы судебных действий следственного характера могут быть охарактеризованы непосредственно познавательными приемами, выделяющими их в самостоятельные процессуальные действия и по общности используемых приемов объединяющих их в родственные группы, что может служить одним из оснований их классификации.

В связи с изложенным, к элементам системы судебных действий следственного характера можно отнести: 1) Допрос (подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста); 2) Производство экспертизы; 3) Осмотр (осмотр вещественных доказательств, осмотр иных документов, осмотр местности и помещения); 4) Следственный эксперимент; 5) Освидетельствование; 6) Предъявление для опознания; 7) Оглашение протоколов следственных действий (оглашение показаний потерпевшего, свидетеля, подсудимого, оглашение протоколов следственных действий и иных документов); 8) Приобщение к материалам уголовного дела документов; 9) Запрос (запрос сведений, запрос источников сведений);

Поскольку характеристикой любой системы является возможность ее развития либо стабильность ее содержания, системы подразделяются на динамичные и статичные¹⁸. Полагаем, что ввиду постоянного совершенствования уголовно-процессуальных отношений, вносимых в УПК РФ изменений, систему судебных действий следственного характера можно

¹⁸ Ильичёв Л.Ф. и др. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. – 840 с. [Электронный ресурс]
URL: http://methodological_terms.academic.ru/1815.

отнести к динамичным, развивающимся системам. Потенциальная способность системы судебных действий следственного характера развиваться в качестве одного из направлений развития может включать пополнение перечня судебных действий следственного характера посредством их дополнения.

С другой стороны, ввиду императивного регулирования уголовного судопроизводства, необходимо отметить, что предусмотренная УПК РФ совокупность судебных действий следственного характера представляет собой закрытый перечень, не подлежащий расширительному толкованию.

Таким образом, нами объективно выделена система судебных действий следственного характера. Системообразующей связью элементов этой системы будет выступать их взаимосвязь с исследованием доказательств. Содержание этой системы отличается от структуры и содержания системы следственных действий. Из этого следует вывод о том, что индивидуальные особенности судебных действий следственного характера, включающие их признаки и условия производства, в совокупности с отличительными особенностями их системной связи между собой, позволяют судить о фактической самостоятельности судебных действий следственного характера.

Библиографический список

1. Абдумаджидов Г.А. Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование). Ташкент: Узбекистан, 1986. С. 111 - 112;
2. Полуянова Е.В. Производство следственных действий в стадии судебного разбирательства // Российский следователь. 2007. N 4. С. 26.
3. Костюков А.В. Понятие "судебное действие" в уголовном судопроизводстве России // Вестник Удмуртского университета. 2014. N 2-1. С. 166;
4. Бозров В.М., Кобяков В.М. Судебное следствие. Вопросы теории и практики. Екатеринбург: Каменный пояс, 1992. С. 21; Баев М.О. Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 192;
5. Константинов Ф.В. Философская Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия: В 5 т. Т.5. 1970. С. 521;
6. Ивин А.А. Философия: Энциклопедический словарь, М.: Гардарики. 2004. С. 632;

7. Ильичёв Л.Ф. и др. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
– 840 с. [Электронный ресурс] URL:
http://methodological_terms.academic.ru/1815.

8. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. с. 7-8

9. Кузин Е.Б. К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера // Вестник ЮрГУ. №27. 2011. С. 55.

10. Курочкина Ю.С., Татьяна Л.Г. Система судебных действий следственного характера // Вестник УдГУ, т.26, вып.1. 2016. С. 133.

УДК 34

Савинкина Я.С. Использование психологии в криминалистической науке

The use of psychology in forensic science

Савинкина Я.С.

Саратовская государственная юридическая академия Институт магистратуры, город Саратов
Savinkina Y.S.

Saratov State Law Academy Magistracy Institute, Saratov

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос использования психологии в криминалистической науке.

Ключевые слова: Психологические знания; специальные знания; криминалистика; формы использования специальных знаний.

Abstract. In the article the author considers the use of psychology in criminal science.

Keywords: Psychological knowledge; special knowledge; criminology; forms of use of special knowledge.

Криминалистика, как и иные науки, постоянно развивается, совершенствуется в предмете, объекте, методах и задачах исследования. Формируются и отвергаются различные учения и теории, что обусловлено интеграцией накопленных знаний других наук. Это указывает на динамику дальнейшего развития криминалистической науки, ее прогрессивность научных взглядов и эффективность разработки рекомендаций в объяснении таких социально значимых явлений и феноменов, как преступление, преступность и преступник.

Необходимо отметить, что криминалистика является специфичной научной деятельностью, где определена главная цель — получение, исследование и теоретическая систематизация знаний об окружающей действительности. Интеграция познаний различных наук в криминалистику отвечает ее научным функциям.

В этой связи особая научная роль принадлежит психологии, как научному знанию, эффективно интегрируемому в криминалистику для успешного решения стоящих перед ней задач борьбы с преступностью, а также для раскрытия, расследования и предупреждения отдельных видов общественно опасных деяний. Это обусловлено тем, что исследование и психодиагностический анализ поведения человека в ситуациях, связанных с преступной деятельностью, в научном и прикладном аспектах обогащаются

посредством использования психологических познаний, заимствованных и адаптированных криминалистической наукой[3].

Необходимо отметить, что изначально психология развивалась как наука о сущности, особенностях, качественных и количественных характеристиках психических процессов и явлений, их влиянии на формирование, трансформацию поведения человека[2].

Однако процесс развития психологической науки определял возникновение и развитие самостоятельных направлений психологии, вызванных исследованием и анализом психологических реакций на различные ситуации, установок, влияющих на формирование поведения в целом, и в частности на преступное поведение.

С развитием научных исследований психологической науки связаны, например, психология личности, аномальная, клиническая, возрастная психология и многие другие, которые, в свою очередь, также стремительно развиваясь, обеспечили возникновение более узких в научном понимании исследований, а именно криминальной психологии, психологии преступного деяния и пр. Это способствовало разработке новых научных подходов и методов, в частности, адаптированных к нуждам криминалистики, как науки, призванной практически осуществлять в соответствии с выработанными научными рекомендациями положения по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, что способствует формированию криминалистической психологии и определения ее научного статуса[5].

Дифференциация и интегрирование психологии в криминалистическую науку обуславливается также тем, что практическая деятельность по борьбе с преступностью, качественное, быстрое и полное раскрытие, расследование и предупреждение преступлений различного вида имеют чрезвычайно важный аспект, а именно взаимоотношения людей между собой и с социумом, обществом и государством. Возникновение личных, социальных, общественных отношений взаимозависимы и оказывают влияние друг на друга, что указывает на их психологическую природу и определенные закономерности их развития, в том числе правовую[3].

Эффективное применение научных достижений психологии в области государственного администрирования, общественного управления, социальных сфер, а также в различных областях правоведения, в том числе криминалистике, уголовно-процессуальном праве, теории оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертизе, способствовало

заимствованию, синтезу и формированию прикладных направлений психологии с указанными науками, что определило образование научных учений — например, юридической психологии и ее основных отраслей, пенитенциарной психологии, психологии преступного деяния, преступного поведения, а также достаточно новой в правовой науке отрасли криминалистической психологии[4].

Необходимо отметить, что синтез прикладных научных психолого-криминалистических знаний представляет возможными основательные исследования, анализ и объективную оценку психологической предпосылки преступной деятельности с целью решения поставленных перед криминалистикой задач и целей с позиций практического использования в процессе выявления, раскрытия и расследования общественно опасных деяний.

В настоящее время особую теоретическую и практическую актуальность, важность и значимость с позиций психологической науки приобретает противодействие отдельным общественно опасным деяниям, которые характеризуются социальной значимостью и особой общественной опасностью.

В этой связи возникает прикладная и теоретическая необходимость выработки рекомендаций быстрого, качественного и эффективного выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений определенного криминалистического вида. Это обусловлено, с одной стороны, динамикой роста преступности, а с другой — возникновением новых составов преступлений, технической, тактической и психологической подготовкой преступников, использованием достижений научно-технического прогресса в преступной деятельности, в том числе имеющей профессиональный и организованный характер. Указанный фактор определяет выделение такой отрасли психолого-криминалистического знания, как криминалистическая психология[3].

Эффективное и актуальное применение познаний психологической науки в области криминалистики можно осуществлять по таким основным линиям предварительного и судебного следствия, как:

- исследование, анализ, оценка специфических особенностей поведения личности преступника и его установление;
- организация процесса выявления, раскрытия, расследования преступления;

- отправление справедливого правосудия и обоснованный приговор подсудимого лица как этап уголовного процесса;
- организация профилактической и предупредительной деятельности органов следствия, дознания, прокуратуры и суда;
- отправление справедливого правосудия и обоснованный приговор подсудимого лица как этап уголовного процесса;
- организация деятельности подразделений учреждений уголовно-исполнительной системы[5].

Использование познаний психологической науки по указанной линии деятельности правоохранительных органов, специальных государственных служб и комитета уголовно-исполнительной системы МВД РФ предоставляет широкую возможность установления точных, объективных тенденций развития и распространения преступности как социально-правового и психологического феномена, криминалистических видов и групп преступлений, анализа поведения отдельных типов преступников, их групп, стратификацию и иные специфические особенности рассматриваемого явления. Это обеспечит наиболее быструю и эффективную борьбу с различными видами и формами преступных проявлений посредством специальных психолого-криминалистических методов и средств, прикладной и практической деятельности компетентных органов и служб[5].

Научно-теоретический анализ психологических исследований указывает, что интеграция рассматриваемых знаний в криминалистику и их систематизация осуществлялись в конце XIX начале XX вв. В этот период научное и практическое подтверждение получило положение, о том, что в целях эффективной борьбы с преступностью необходимы применение знаний юридической психологии как специальной правовой науки криминального цикла и резкий всплеск интереса со стороны практических сотрудников к использованию в процессе раскрытия и расследования преступлений, в особенности насильственного характера, знаний психологии[4].

В дальнейшем это привело к разработке научных психологических исследований в области формирования и проявления криминального поведения, ведущих к совершению отдельных видов преступлений определенным типом личности преступника, и на этой основе выработки рекомендаций и мер по профилактике и предупреждению отдельных криминалистических видов и групп общественно опасных деяний.

А.Г.Ковалев отмечал, что наука должна называться юридической

психологией, так как исследует не только проблемы предварительного производства и судебный процесс, но и ряд других правовых регламентированных деятельности, направленных на борьбу с преступностью [1].

Однако, по нашему мнению, юридическая психология в современном ее понимании, как научно-прикладная дисциплина и отрасль научного знания, исследует закономерности и механизмы психической деятельности человека в сфере правоотношений, т.е. его специфическую социальную деятельность в целом, и ее предмет является достаточно масштабным и теоретическим по своему содержанию.

По нашему мнению, криминалистическая психология как научно-прикладная дисциплина отвечает требованиям практической деятельности правоохранительных органов. Она способна не только к интеграции психологических познаний в криминалистическую науку, но имеет свои задачи и предмет исследования.

Предметом криминалистической психологии выступают психологические закономерности формирования психической деятельности человека в сфере выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, что и определяет в целом борьбу с преступностью.

Научный интерес представляют, с одной стороны, факторы, которые облегчают и стимулируют деятельность правоохранительных и специальных государственных органов, а с другой — те, которые затрудняют или препятствуют ее осуществлению.

Научные исследования по криминалистической психологии предоставляют возможность успешно и эффективно разрешать следующие задачи правоохранительной и государственной деятельности:

- быстрое, полное и эффективное осуществление процесса расследования;
- быстрое установление лица, совершившего преступление, его истинных мотивов и целей;
- принятие эффективных мер по пресечению, предупреждению и противодействию совершения преступления;
- эффективное использование международного опыта по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений;

— эффективная организация правоохранительными органами и государственными службами процесса выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений.

В этом смысле особая роль психологических знаний в раках криминалистической науки проявляется достаточно сегментированно и относится также к сфере своевременного выявления, раскрытия и расследования преступлений и их пресечения как одной из основных задач правоохранительных органов и специальных государственных органов.

Криминалистическая психология направлена на исследование основных психологических закономерностей, связанных:

- с выявлением, пресечением, раскрытием и расследованием преступления;
- с установлением лиц, совершивших преступление (причастных к нему);
- с предупреждением преступлений.

Значительная часть этих закономерностей имеет достаточно устойчивый характер и играет важную роль в борьбе с преступностью. Закономерности иного, не психологического характера действуют менее продолжительное время, т.е. имеют преходящий характер[2].

Преходящий характер определенных психологических закономерностей находится в прямой зависимости от произошедших перемен в условиях жизни и деятельности людей, от наступивших изменений в обстановке совершения преступления (в том числе в окружающей среде) — пространственно-временной, территориально-географической и иной, где реализуется деятельность правоохранительных и специальных государственных органов.

Однако необходимо отметить, что представленные таким образом предмет и задачи криминалистической психологии, как научно-прикладной отрасли синтеза знаний психологической и криминалистической наук, не всегда принимаются однозначно всеми специалистами, занимающимися научно-исследовательской или научно-прикладной деятельностью. Необходимо отметить, что многие специалисты придерживаются мнения, что сферой ее применения должно являться, главным образом, судопроизводство, т.е. она не должна заниматься специфической деятельностью правоохранительных и специальных государственных органов.

Имеет место мнение, что для расширения предметной области криминалистической и юридической психологии необходимо включение в ее

проблем судопроизводства, проблем преступного поведения, а также деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы. Эта позиция особенно характерна для некоторых представителей русской психологической школы и освещается в учебнике по юридической психологии под редакцией В.П.Васильева.

Криминалистическая психология является самостоятельной научно-прикладной отраслью психологии, которая исследует не только преступное поведение, но и преступные действия, реализацию преступных планов криминальной личности. Также она использует достижения науки при исследовании психологических проблем по розыску, расследованию, судебному преследованию и предотвращению преступлений, совершенных отдельными лицами, организованными преступными группами или преступными организациями[4].

Главным образом увеличение масштаба предметной области криминалистической психологии может осуществляться посредством включения этих двух направлений деятельности, связанных с судопроизводством, а именно: установлением и розыском лиц, совершивших преступления, и пресечением преступной деятельности, что уже входит в сферу исследования криминалистической психологии.

Существует мнение, что увеличение масштаба предметной области криминалистической психологии является достаточно оправданным как с научной, так и с практической точки зрения. В данном случае речь идет не о различных деятельности, а о различных аспектах одной и той же деятельности, связанной с организованным противодействием преступности.

Кроме того, криминалистическая психология в большей степени, чем юридическая психология направлена на понимание преступного поведения, учета в процессе расследования преступного умысла, на познание мотивов, отношений и удовлетворений притязаний как сотрудников правоохранительных органов, так и лиц, совершающих правонарушения и преступления.

Существуют три основных ключевых понятия: понимание, объяснение и содействие. Криминалистическая психология объясняет человеческое поведение, направляя внимание на внутренний мир человека. Она ищет причины действий и поступков относительно психического состояния, в формировании отношений, в когнитивных, т.е. умственно-познавательных, процессах, схемах и структурах.

Таким образом, криминалистическая психология занимается не только

тем, что происходит в психике человека, как, например, юридическая психология, но и тем, что происходит во взаимосвязи между психическими процессами и действительным поведением личности в процессе совершения преступления и его расследования, где, собственно, задействованы человеческий фактор, отношения между людьми, взаимосвязь следователь-преступник, где результат таких человеческих отношений облекается в процессуальную форму, итог процесса раскрытия и расследования конкретного преступления. Без изучения поведения личности не представляется возможным сделать выводы о том, что происходит в психике другой личности. Когда указывается, что психология и криминалистика являются науками, подразумевается, что психологи и криминалисты собирают информацию, используя систематические эмпирические методы[4].

Криминалистическая психология, по существу, является объяснительной наукой. Но мы не только объясняем поведение, гораздо важнее принять решение, определить и оценить совершенное преступление, чтобы стало возможным отличать объективную истину от лжи в процессе раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Библиографический список

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Криминалистика. М.: 2007.
2. Аронсон З., Уилсон, Т., Зикерт Р. — М.: СПб.: Изд-во «Питер». 16-е изд. «Мастера психологии», 2004. — С. 679.м
3. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. - М.: 2000.
4. Россинская Е.Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. - 2001. - № 5
5. Шмонин А.В. Понятие и содержание специальных познаний в уголовном процессе/ Электронный ресурс. URL: /<http://www.lawmix.ru/comm/4415/>

СЕКЦИЯ 5. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 341.218:911.3:324

Соколов С.Н. Перспективы непризнанных государств в XXI в.

The prospects of unrecognized States in the XXI century

Соколов Сергей Николаевич

Доктор географических наук, профессор кафедры географии
Нижегородский государственный университет

Sokolov Sergey Nikolayevich

Doctor of geographical Sciences, Professor, Department of Geography
Nizhnevartovsk State University

Аннотация. В статье рассматриваются возможные перспективы существования непризнанных стран на политической карте мира в XXI в. Политическая карта мира постоянно меняется, некоторые страны подвергаются распаду, на их частях провозглашаются независимые государства. Проблема непризнанных государств – одна из актуальных сегодня политических проблем в мире. На основе анализа существования непризнанных стран конца XX – начала XXI в. делается вывод о шести возможных путях их дальнейшего развития.

Ключевые слова: независимость, непризнанные государства, политическая карта мира.

Abstract. The paper discusses the possible prospects for the existence of the unrecognized countries on the political map of the world in the twenty-first century. Political map of the world is constantly changing, some countries are decay on parts of the proclamation of an independent state. The problem of unrecognized States is one of today's burning political issues in the world. Based on the analysis of the unrecognized countries in the late XX – early XXI century, the conclusion of the six possible ways of their further development.

Keywords: independence, unrecognized states, the political map of the world.

Политическая карта мира постоянно меняется не только качественно, но и количественно, в том числе происходит оккупация и аннексия (захват военным путем), ирредентизм (присоединение к другому государству), цессия (уступка), концессия (аренда), адьюдикация (присуждению территории по решению арбитража), интеграция и выход из состава государства какой-либо его части (сецессия).

В результате сепаратистских движений или из-за передела национально-государственных границ, «разрезающих» ареалы проживания народов возникают непризнанные государства [22]. Как правило, под ними понимают государственные образования, полностью или частично лишенные международного признания, но обладающие другими признаками государственности [17]. Согласно С. Маркедонову, частично признанные

государства — это государства, «не признанные ООН, но признанные государствами-членами ООН» [13], таким образом, их участие в международных отношениях ограничено правовым полем признающих их государств. Под непризнанием ООН он имеет в виду фактическую невозможность принятия государства в члены ООН, которое может произойти только по решению Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета Безопасности.

Одним из немногих документов в международном праве, дающих определение понятия «государство», является Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств, принятая в 1933 г. В первой статье конвенции говорится, что государство является субъектом международного права при наличии следующих критериев: «а) постоянное население; б) определенная территория; в) правительство; г) способность вступать в отношения с другими государствами» [2].

О таких государствах редко пишут в учебниках [11, 12, 16], большинство из них не показывают на картах. Непризнанные и частично признанные государства — общее название стран, которые обладают всеми признаками государственности, но в то же время они лишены полного или частичного международного дипломатического признания и таким образом не могут де-юре выступать в качестве субъекта международных отношений [18]. В российской научной литературе самыми распространенными стали термины «непризнанное государство», «самопровозглашенное государство», которым в английском варианте наиболее соответствует «государство де-факто» [15, 26]. Иногда их называют «квази-государства», «фантомные государства» и т.д., что, помимо прочего, отражает факт активного научного и политического поиска, ведущегося вокруг этого международно-политического феномена [8]. Некоторые исследователи, например, Н. Касперсен, увидели в этой тенденции признак того, что де-факто государства имеют свою собственную повестку дня, которая зачастую может даже вступать в конфликт с приоритетами поддерживающих их держав [24].

Проблему непризнанных государств часто сводят к формально-юридическому формату, но речь идет не исключительно о правовых казусах. Здесь нельзя ограничиться ссылками на резолюцию Совбеза ООН. Признание или непризнание не влияет на существование нового государства, однако признание имеет декларативное значение. Непризнанные государства как феномен не могут быть исследованы и поняты исключительно в правовых

терминах. Самая большая проблема – это признание непризнанного государства его подданными. Можно сколь угодно обвинять в экстремизме местных политиков, но их экстремизм опирается на массовую поддержку граждан государств, которые формально не существуют [13, 19]. Кроме того, некоторые соседи также могут их признать, но де-юре они не признаются международным сообществом.

По данным В.Н. Холиной и А.С. Наумова [22], на политической карте мира в течение XX в. существовало около 120 непризнанных государств, они были провозглашены на территории почти 60 стран. Некоторые такие государства существуют де-факто и по сей день, но не признаны в полной мере международным сообществом, другие признаны, но не имеют собственной территории, третьи же быстро исчезают гибнут под ударами правительственных войск [18].

Референдумы о присоединении Крыма к России и о создании Донецкой и Луганской «народных республик» остро ставят вопрос о легитимности подобных сепаратистских волеизъявлений народа. Референдум является одной из наиболее традиционных и распространенных форм непосредственной демократии и состоит в прямом выражении воли граждан по определенному вопросу.

Во второй половине XX - начале XXI в. произошло несколько изменений на политической карте мира, когда появились большинство существующих до сих пор непризнанных государств. Есть ли шанс у таких государств быть признанными мировым сообществом в будущем? Ответить на этот вопрос можно утвердительно, но необходимо иметь в виду, что существует шесть возможных путей их дальнейшего существования.

Рассмотрим более подробно примеры дальнейшего существования некоторых непризнанных стран.

1. Международное признание новых стран.

В Восточном Тиморе еще в 1975 г. была провозглашена его независимость от Португалии, но через 9 дней в страну вторглись части индонезийской армии, и Восточный Тимор был объявлен 27-й провинцией Индонезии. В 1999 г. под давлением ООН в Восточном Тиморе был проведен референдум по вопросу самоопределения, 78,5% населения высказались за независимость. В 1999-2002 гг. страна была под временным управлением переходной администрации ООН. В 2002 г. провозглашается независимость [29].

Референдум о независимости в Черногории был проведён в 21 июня 2006 г. (при явке 86,5%), по результатам которого 55,4% голосов было отдано за отделение от Сербии. Таким образом, Черногория провозгласила независимость, что и было признано Сербией и мировым сообществом [27].

В 1999-2008 гг. бывший автономный край Сербии — Косово управлялся Временной администрации ООН в Косово (UNMIK). В 2008 г. объявлена независимость Республики Косово. С тех пор 113 государств-членов ООН признали независимость Косово. В то же время такие страны как Бразилия, Индия, Испания, Россия, Китай, Украина, ЮАР и другие не собираются этого делать. На основании резолюции 1244 Совета Безопасности ООН находится под международным управлением [1].

В Судане переговоры между повстанцами на юге страны и центральным правительством в 2003–2004 гг. формально завершили 22-летнюю гражданскую войну, и в 2005 г. Южный Судан получил автономию. Кроме того, он получил право после 6 лет автономии провести референдум о своей независимости, что и было проведено 9-15 января 2011 г. (при явке 97,6%), когда 98,8% голосов было отдано за отделение от Судана [29].

Согласно Соглашениям в Осло (1993 г.), между Израилем и Организацией Освобождения Палестины, была создана Палестинская Национальная Администрация, которой был передан административный контроль над Сектором Газа и частью Западного берега реки Иордан, а вопросы обеспечения безопасности остались за Израилем [22]. В 1988 г. провозглашается Государство Палестина (не обладавшая территорией), получившее широкое дипломатическое признание, в том числе Статус государства-наблюдателя ООН (2012 г.) [6]. В 2013 г. Палестинская Автономия официально переименована в Государство Палестина (что не признано Израилем). Государство Палестина в настоящее время признаётся 136 государствами-членами ООН.

Французская территория Новая Каледония получила возможность провести референдум о независимости, который запланировано провести до ноября 2018 г. [29].

Жители входящих в Данию Фарерских островов запланировали на 25 апреля 2018 г. референдум о новой конституции, которая должна открыть путь для самоопределения [10].

2. Добровольное воссоединение (интеграция).

Независимость Бугенвиля под названием Республика Северных Соломоновых островов провозглашалась дважды: в 1975 (Республика Северных Соломоновых Островов) и в 1990 гг. В 1990-2005 гг. он назывался Республика Мекамуи (в 2005 г. преобразованное в Королевство Мекамуи). В 2005 г. остров получил статус автономного региона в составе Папуа - Новой Гвинеи. Тем не менее была установлена возможность проведения референдума о независимости острова, который запланирован на 15 июня 2019 г. [29].

После распада Сомали в 1991-2012 гг. на его территории было образовано несколько государств: Центральное Сомали; Юго-Западное Сомали, Авдаленд, Пунтленд, Джубаленд, Хатумо и др. В 2012 г. была принята новая конституция, согласно которой все эти государства вошли в состав Сомали как федерации [29]. Только Республика Сомалиленд, образованная в 1991 г. не захотела войти в ее состав.

3. Силовой возврат (оккупация и аннексия).

В 1994 г. на юге Йемена существовала независимая Демократическая Республика Йемен, которая занимала примерно ту же территорию, что и существовавшая здесь в 1967-1990 г. Народно-Демократическая Республика Йемен до ее объединения с Йеменской Арабской Республикой в единую Йеменскую Республику. Южные районы Йемена переходили под управление исламистов с провозглашением ими исламского эмирата Абьян и Шабва в 2011-2012 гг. В 2013 г. правительственные войска Йемена вернули власть в Южном Йемене [4].

На Коморских островах остров Нзвани (Анжуан) окончательно вернулся в состав федерации в 2008 г. с помощью войск Африканского Союза. Он становился непризнанным независимым государством в 1997-2002 и 2006-2008 гг. Соседний остров Мвали (Мохели) также был независимым в 1997-1998 гг. [14]

В мае 2009 г. непризнанное государство Тамил-Илам, образованное в 1993 г. на северо-востоке Шри-Ланки, проиграло гражданскую войну правительству страны и утратило контроль над территорией, на которую претендовал [29].

В 2012 г. на северной части Мали было провозглашено непризнанное Независимое государство Азавад, которое вскоре захватили исламисты и создали свое Исламское Государство Азавад [3]. Военнослужащие из стран

Африканского союза под руководством Франции восстановили контроль над территорией в 2013 г.[29].

4. Ирредентизм (присоединение к другому государству).

Азад-Кашмир был провозглашен в 1947 г. в знак протеста против непопулярного в Кашмире махараджи. Согласно резолюциям ООН, статус Кашмира должен определиться путём плебисцита или референдума. После первой войны между Индией и Пакистаном сложились сегодняшние фактические границы. Страна фактически является провинцией Пакистана, формально же Азад-Кашмир не отделяется от индийского штата Джамму и Кашмир [23].

В 2014 г. парламент Автономной Республики Крым проголосовал, чтобы войти в состав России. 17 марта 2014 г. в результате референдума объявлена независимость Республики Крым от Украины и заявлено о присоединении его к России уже 21 марта 2014 г. Таким образом, Россия признала государственную независимость Крыма с последующим присоединением к Российской Федерации [29].

5. Статус непризнанного государства.

Китайская Республика (на острове Тайвань), созданная после гражданской войны в Китае в 1949 г. и потерявшая дипломатическое признание в 1971 г., когда место в ООН было передано Китайской Народной Республике. Тайвань официально претендует на всю территорию Китая. Тайвань признан 23 странами мира [29].

Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК), провозглашённая после вторжения турецких вооружённых сил на Кипр в 1974 году, объявила о своей независимости в 1983 г. В 2004 г. территория ТРСК была формально включена в состав Европейского союза как часть Республики Кипр. Признётся Турцией и Абхазией. Все остальные государства-члены ООН признают территорию Северного Кипра как часть Республики Кипр [1].

Сахарская Арабская Демократическая Республика (Западная Сахара) создана на территории бывшей испанской колонии в 1976 г., большая часть заявленной территории страны контролируется Марокко. Признана 84 странами Совет Безопасности Организации Объединённых Наций принял Резолюцию №690 в 1991 г., согласно которой здесь должен состояться референдум [9].

Формально государство Сомалиленд существовало независимо от других стран с 26 июня по 1 июля 1960 г., затем вошло в состав Сомалийской

Республики. В 1991 г. после ее распада северные кланы провозгласили независимую Республику Сомалиленд, включавшую в себя 5 из 18 административных регионов Сомали [1]. Повторный референдум здесь был проведен 31 мая 2001 г., за независимость проголосовало 97,1% избирателей.

В 1991 г. состоялось совместное заседание народных депутатов Нагорно-Карабахского округа и Шаумянского района, на котором была принята декларация независимости Нагорно-Карабахской Республики (НКР), проведен референдум, 99,89% участников которого высказались за ее независимость [5]. Кроме того, НКР признан и рядом административных единиц разных государств, таких как США, Австралия [7]. Три района страны частично контролируются Азербайджаном, сама же республика, полностью контролирует прилегающие к НКР территории со стороны Армении и Ирана.

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) провозгласила независимость в 1990 г. на части территории Молдавской ССР. Власти ПМР считают республику правопреемницей Молдавской АССР, существовавшей с 1924 до 1940 в составе Украинской ССР, несмотря на то, что бывшие границы МАССР и настоящие границы ПМР не совпадают. Здесь несколько сёл как на правом, так и на левом берегу Днестра, заявленные властями страны, контролируются властями Молдавии [8]. Очередной референдум был проведен 17 сентября 2006 г. (при явке 78,6%), за независимость от Молдавии и будущее присоединение к России высказалось 98,1% избирателей.

В 1992 г. Верховный Совет Республики Южная Осетия принял «Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия». 12 ноября 2006 г. Южная Осетия провела референдум о независимости, явка составила 94,6%. За независимость территории от Грузии проголосовало 99,9% избирателей.

Абхазия провозгласила независимость после войны с Грузией 1992–1993 гг. Независимость этих стран начали признавать только 16 лет спустя, и 4 государства-члены ООН их признали (Россия, Никарагуа, Венесуэла и Науру) [7]. В 2011-13 гг. эти страны были признаны также Вануату и Тувалу. НКР, Абхазия, Южная Осетия и ПМР взаимно признали друг друга.

На севере Ирака в 2005 г. была создан Курдистанский автономный регион, фактически не подчиняющийся правительству Ирака. 30 января 2005 г. был проведен референдум о независимости иракского Курдистана, за независимость высказалось 99,0% избирателей. 18 сентября 2017 г. в Иракском Курдистане был проведен повторный референдум о независимости

(при явке 72,8%), согласно которому почти 92,7% участников проголосовали за его независимость. Иракским властям придется сделать выбор: или военный конфликт с независимым Иракским Курдистаном, или же предоставление ему де-факто независимости при юридическом нахождении в составе Ирака. Пока Ирак отказывается даже говорить об этом.

1 октября 2017 г. был проведен референдум на территории испанского автономного региона Каталония, в котором, несмотря на запрет испанских властей, приняли участие 43,0% избирателей. За независимость проголосовало более 92% участников, но властями Испании референдум рассматривается как незаконный. Власти же Каталонии считают проведение референдума вынужденной мерой, так как властей Испании не пошли на уступки властям Каталонии, требующим предоставления региону широких полномочий.

11 мая 2014 г. на территории Украины состоялись референдумы по отделению Луганской Народной Республики и Донецкой Народной Республики от Украины. 12 мая 2014 г. эти территории провозгласили независимость (89,1% в Донецкой Народной Республике и 96,2% в Луганской народной Республике) от Украины, что было не признано другими государствами [29]. Украина считает проведенные референдумы нелегитимными, так как референдумы можно проводить только на территории всей Украина, а не отдельных ее частей.

Особняком стоят так называемые виртуальные государства, т.е. территории, заявляющие о своей государственности и имитирующие основные черты государств. Они не признаются мировым сообществом и не принимаются всерьез странами, на территории которых провозглашены, их иногда относят к непризнанным государствам [20]. Также являются известными как микрогосударства, микронации, кибергосударства, фэнтезийные государства или виртуальные нации. Виртуальное государство, в свою очередь, либо соответствует критериям Конвенции Монтевидео о правах и обязанностях государств в некоторой степени, либо имитирует их [28].

6. Отказ от независимости или поражение сторонников независимости на референдумах.

Можно также привести примеры, когда части станы не смогли добиться независимости на проведенных в них референдумах. В частности, 19 сентября 2014 г. Шотландия попыталась выйти из состава Великобритании. Был проведен референдум, в котором участвовало 84,6% избирателей. В результате за выход из состава Великобритании проголосовало 44,7%, против

– 55,3% [27]. Таким образом, Шотландии не удалось выйти из состава Соединенного Королевства.

11 июня 2017 г. был проведен референдум в Пуэрто-Рико, в котором приняли участие 23% избирателей. 97,2% избирателей высказались за превращение острова в штат США, а сторонники независимости получили лишь 1,5% голосов [27]. 6 ноября 2012 г. уже был проведен аналогичный референдум, согласно которому за независимость высказались 5,5% избирателей, а за присоединение к США - 61,2%.

22 июня 2000 г. был проведен референдум на голландской части острова Синт-Мартен, за независимость высказалось 14,4%, за статус ассоциированного государства в составе Королевства Нидерландов - 70%. На острове Кюрасао 8 апреля 2005 г. был проведен аналогичный референдум, за независимость проголосовало 4,8%, за статус ассоциации с Нидерландами - 67,8%.

На других территориях Нидерландских Антильских Островов также был проведен референдум: на острове Бонайре в 2004 г. (независимость 0,5%, в составе Нидерландов 59,5%), острове Саба в 2004 г. (независимость 0,8%, в составе Нидерландов 86%), острове Синт-Эстатиус в 2005 г. (независимость 0,6%, в составе Нидерландов 76,6%) [29]. Таким образом, Нидерландские Антильские Острова как субъект международного права были ликвидированы в результате референдумов к 2010 г.

24 апреля 2004 г. был проведен референдум о воссоединении Республики Кипр и самопровозглашенной Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК), явка составила 87-89%. В то время как избиратели ТРСК проголосовали в основном за объединение (64,9%), избиратели Республики Кипр - против (75,8%). Таким образом, так называемый "план Аннана" стал недействительным [29].

В 1973 г. на голландском острове Аруба прошёл референдум, на котором большинство населения предпочло, чтобы страна получила статус независимости в рамках Королевства Нидерланды. В 1977 г. на референдуме за независимость проголосовали 95% жителей Арубы. В 1981 г. в ходе очередной конференции было решено, что Аруба получит независимость в январе 1996 г. Несмотря на все усилия, Аруба в итоге так и не получила независимость, явив один из немногих в мире прецедентов, когда страна отказалась от неё. Согласованное ранее намерение о провозглашении независимости Арубы 1 января 1996 года было отменено в 1990 г. по запросу

правительства Арубы, провозглашение независимости было отложено на неопределенный срок, хотя этот процесс может быть возобновлен после очередного референдума [25].

Референдум о независимости штата Трук в Микронезии (изначально планировался 3 марта 2015 г.) был отложен на неопределенный срок [10].

Таким образом, мы выявили шесть возможных перспектив существования непризнанных стран на политической карте мира в XXI в. Во-первых, они наконец-то могут быть признаны международным сообществом. Во-вторых, после подписания договоров возможно их добровольное (или вынужденное) воссоединение с той страной, от которой они отделились. В-третьих, решение проблемы сецессии с помощью военной силы. В-четвертых, присоединение к другому государству (ирредентизм). В-пятых, остаться в качестве непризнанного большинством стран государства. И, наконец, отказаться от провозглашения независимости.

Многие многонациональные государства подвержены риску сепаратизма, в том числе такие, как Индия, Мьянма, Украина, Испания, Великобритания и др. Референдумы о независимости могут пройти в Западной Сахаре, Республике Сербской (часть Боснии и Герцеговины) и Гренландии.

Непризнанные и частично признанные государства могут и не обозначать полную независимость или международное признание как конечную цель. Риск распада государства зависит от таких факторов, как геополитические, демографические, исторические, экономические, культурные, политические [21].

Глобализация создала дополнительные возможности для длительного существования непризнанных государств, без их формального признания другими странами. Это постепенно становится нормой [18]. Число непризнанных государств растет несмотря на сопротивление стран, признанных международным сообществом.

Библиографический список

1. Александрова Н.В. Теория и история права и государств. Дисс. ... к.ю.н. 12.00.01. – Н. Новгород, 2009. – 174 с. – URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01004000000/rsl01004584000/rsl01004584647/rsl01004584647.pdf>. (дата обращения: 27.11.2017).
2. Антонова И.А. Политологический анализ позиции Российской Федерации в отношении конфликтов в Косово и на Кипре: дисс. ... к. полит.н.

23.00.04. – СПб., 2013. – 208 с. – URL: <http://dlib.rsl.ru/rsl01006000000/rsl01006626000/rsl01006626775/rsl01006626775.pdf>. (дата обращения: 27.11.2017).

3. Войска Франции взяли под контроль последний оплот исламистов. в Мали. – URL: <http://news.mail.ru/politics/11918699/?frommail=1>. (дата обращения: 27.11.2017).

4. Все непризнанные государства. – URL: <http://www.geopolitics.ru/karta-sajta/vse-nepriznannye-gosudarstva/>. (дата обращения: 27.11.2017).

5. Все страны и территории мира: Новый географический справочник ЦРУ. – Екатеринбург; М., 2009.

6. Генассамблея ООН повысила статус Палестинской автономии. – URL: <http://ru.euronews.com/2012/11/29/un-votes-to-give-palestine-non-member-status/>. (дата обращения: 27.11.2017).

7. Григорян Г.П. Сепаратизм в геополитическом контексте. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3625>. (дата обращения: 27.11.2017).

8. Девятков А.В., Залевина А.Р. «Де-факто государства» и их участие в продуцировании российской идентичности (на примере Приднестровья). – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2057>. (дата обращения: 27.11.2017).

9. Западная Сахара: преданная независимость. Сборник исследований и документов по современной исто рии Сахарской Арабской Демократической Республики / Составитель Е. Висенс. – М.: REGNUM, 2007. – 118 с. – URL: <http://common.regnum.ru/documents/west-sahara.pdf>. (дата обращения: 27.11.2017).

10. Каталония и Иракский Курдистан – пять вопросов о референдумах о независимости. – URL: <http://inosmi.ru/social/20170925/240357457.html>. (дата обращения: 27.11.2017).

11. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник. – М. Аспект-Пресс, 2001.

12. Макошев А.П. Политическая география и геополитика: Учебное пособие. – Горно-Алтайск, 2005.

13. Маркедонов С. СНГ: Война за «свою» землю // Полит.ру. 3.08.2005. – URL: <http://www.polit.ru/article/2005/08/03/outflow>. (дата обращения: 27.11.2017).

14. Мятежному коморскому острову нашли временного президента – URL: <https://lenta.ru/news/2008/03/26/anjouan/>. (дата обращения: 27.11.2017).

15. Попов Ф.А. От «безгосударственных территорий» к «государству де-факто» // Международные процессы. – 2011. – Т. 9. – № 2 (26).

16. Родионова И.А., Холина В.Н. Политическая карта мира: Пособие по географии для поступающих в вузы. – М.: Московский лицей, 1998.

17. Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2011. – № 2. – С. 5.

18. Соколов С.Н. Сепаратизм на политической карте мира в XXI в. // Дневник АШПИ. – 2016. – № 32. – С. 157-162.

19. Соколов С.Н. Непризнанные и частично признанные государства на политической карте мира // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. – Нижневартонск: НВГУ, 2013. – Ч. V. – С. 43-45.

20. Соколов С.Н. Перспективы существования непризнанных государств в XXI веке // Непризнанные государства: Методологические, политические и правовые аспекты: Сб. материалов Всерос. науч. конф. (Самара, 2016 г.). – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. – С. 108-117.

21. Сысоев С.С., Соколов С.Н. Донецкая Народная Республика как непризнанное государство // Восемнадцатая Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартонского государственного университета: Ст. докл. (Нижневартонск, 2016 г.). – Нижневартонск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. – С. 1130-1133.

22. Холина В.Н., Наумов А.С. География для школьников и абитуриентов: политическая карта мира: Пособие для учащихся. – М., 2004.

23. Azad Kashmir // Encyclopædia Britannica. – URL: <https://global.britannica.com/place/Azad-Kashmir>. (дата обращения: 27.11.2017).

24. Caspersen N. Playing the Recognition Game: External Actors and De Facto States // The International Spectator. – 2009. – Vol. 44, No 4. – P. 47–60.

24. De strijd om de Status Aparte. – URL: http://www.historiadiaruba.aw/index.php?option=com_content&task=view&id=22&Itemid=37&lang=nl. (дата обращения: 27.11.2017).

26. Lynch D. Engaging Eurasia Separatist States: Unresolved Conflicts and de Facto States. Washington, DC. 2004. – P. 13–40. – URL: https://bookstore.usip.org/sites/usip/resrcs/chapters/1929223544_otherchap.pdf.

27. Rulers. – URL: <http://www.rulers.org>. (дата обращения: 27.11.2017).

28. World Government Virtual State. – URL: <http://prav.name/mirovoe-pravitelstvo/virtualnye-gosudarstva>. (дата обращения: 27.11.2017).

29. World Statesmen.org. – URL: <http://www.worldstatesmen.org>. (дата обращения: 27.11.2017).

Электронное научное издание

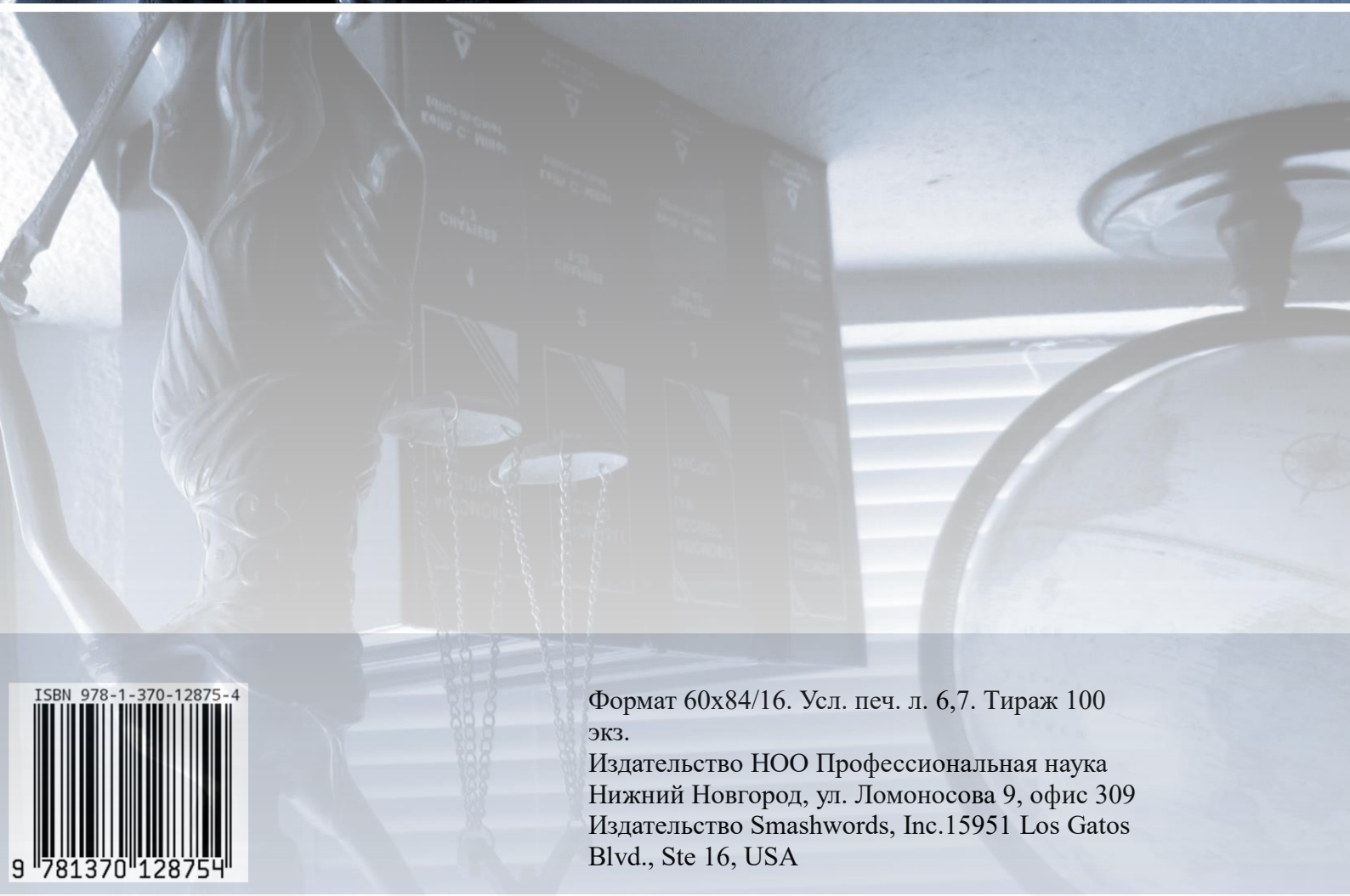
ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической
конференции

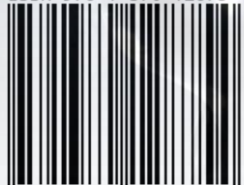
30 ноября 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-1-370-12875-4

9 781370 128754

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 6,7. Тираж 100 экз.

Издательство НОО Профессиональная наука
Нижний Новгород, ул. Ломоносова 9, офис 309
Издательство Smashwords, Inc. 15951 Los Gatos
Blvd., Ste 16, USA